

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

АНАТОЛИЙ ЧАЙКОВСКИЙ

НКВД И СМЕРШ ПРОТИВ АБВЕРА И РСХА

Тайны военной истории

Анатолий Чайковский
НКВД и СМЕРШ
против Абвера и РСХА

«Алисторус»

2016

УДК 355.40(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Чайковский А. С.

НКВД и СМЕРШ против Абвера и РСХА / А. С. Чайковский —
«Алисторус», 2016 — (Тайны военной истории)

ISBN 978-5-906861-40-5

Первое военное потрясение в ходе Второй мировой войны осенью – зимой 1941 г. под Москвой вынудило Абвер и РСХА искать новые формы ведения «невидимой войны»: разведывательно-диверсионные группы с помощью авиации стали забрасываться не только в прифронтовые, но и в глубинные области СССР. Потугам противника советская сторона противопоставила заметно усовершенствованную систему охраны тыла: лидирующее положение в вопросах военной контрразведки стал занимать СМЕРШ. Заключительный же период в «тайной войне» пришелся на конец 1944-го – 1945 г., когда гитлеровские спецслужбы стремились любой ценой приостановить наступление советских войск за счет усиления контактов с различными коллаборантами и националистическими организациями. Тогда же были организованы подразделения «Ваффен СС Ягдфербанд», «народного сопротивления» с участием фольштурма и нацистского подполья, получившего название «Вервольф» («Оборотни»). Невзирая на все старания, переломить ситуацию на открытом и «невидимом» фронтах не удалось. Крах гитлеровской Германии был предрешен самой историей.

УДК 355.40(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-906861-40-5

© Чайковский А. С., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	6
Глава I	12
Большой дом на Лубянке	12
«Лисья нора» на Тирпицufer	32
Крылья «черного ордена» СС	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анатолий Чайковский

НКВД и СМЕРШ против Абвера и РСХА

Предисловие

Прошлое, к сожалению, и настоящее, перенасыщено войнами и военными конфликтами. Страницы военной истории зафиксировали почти 15 тыс. больших и малых войн, а количество локальных вооруженных столкновений не поддается исчислению. Земная цивилизация потеряла около 4 млрд человеческих жизней, и, судя по всему, это далеко не предел. Среди войн были трех-четырёхлетние, семилетние, тридцати- и даже столетние сражения. Но наиболее кровопролитной и разрушительной и, хочется верить, последней была шестилетняя Вторая мировая. Ее главным и определяющим событием стала Великая Отечественная война советского народа в битве с фашизмом.

Составной частью научного осмысления истории, в частности, периода Второй мировой войны, ее наиболее трагичной и яркой страницы выступает военное искусство основных участников вооруженного противостояния – Третьего рейха и Советского Союза. В реальности – это теория и практика подготовки и ведения военных действий путем разработки и осуществления стратегических замыслов, тактических операций, применения накопленного опыта оперативного мастерства. В ходе многих сражений каждое из этих положений нашло зримое проявление в конкретных формах, способах и методах борьбы. Без внимания противоборствующих сторон не осталось и противостояние на невидимом фронте.

Теория и история войн и военного искусства в целом рассматривает широкий круг проблем, связанных с подготовкой, ходом и результатами мировых и локальных военных столкновений. При этом главным объектом изучения остается общество, находящееся в особом «критическом» состоянии – в условиях войны, решающая роль в которой принадлежит широким народным массам. Но они, как и все человеческие коллективы, в том числе воинские, не безлики. Их значение в ходе глобального вооруженного столкновения по-настоящему можно понять и оценить, лишь показывая и раскрывая деятельность конкретных личностей, созданных и руководимых ими партий, организаций, общественных, воинских, специальных и иных формирований, центральных и местных исполнительных органов и т. д. Война и общество неотделимы в своей сущности. В центре всего происходящего стоит человек во всех его жизненных проявлениях. Он выступает как высшее государственное лицо, военачальник, ученый, конструктор, рабочий, крестьянин, организатор и, наконец, как солдат. Тесно переплетаясь между собой, все задачи военной поры могут быть решены только с участием конкретной личности, ее коллектива, а в целом – социума.

Для всестороннего и углубленного познания исторических событий военной поры необходимо учитывать и структурно-функциональные отношения, в которых находились общество в целом, коллективы, отдельные люди. Так, в ходе Второй мировой войны функционировали советско-германский, западный, североафриканский и итальянский фронты. Но их место и роль в войне были далеко не одинаковыми, что обуславливалось масштабом, интенсивностью и напряженностью боевых действий. Главным и решающим был Восточный фронт. Именно на нем были сосредоточены основные силы и средства противоборствующих сторон, прежде всего коалиции фашистских государств. Здесь же она потеряла и свой ударный вооруженный костяк – 607 дивизий. На «долю» вступивших в активную фазу войны лишь на заключительном ее этапе англо-американских войск их пришлось всего 176, преимущественно пехотных, состоявших в основном из солдат старших и непризывных возрастов. К этому времени кадровые дивизии Вермахта Гитлером были уже потеряны при обороне Смоленска, Киева, Севасто-

поля, в кровопролитных битвах под Москвой, Сталинградом, Орлом и Курском, в боях при освобождении Украины и Белоруссии, в ходе последующих стратегических наступательных ударов советских войск. «После провала операции «Цитадель»¹, – отмечал в работе «Сухопутная армия Германии 1933–1945» бывший генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд, – не последовало никакой передышки, как это было после завершения зимних боев под Сталинградом. На Востоке противник вел непрерывное наступление. Линия фронта немецких войск была отброшена от 200 до 1000 км на запад, что стоило огромных потерь. Многие дивизии оказались до такой степени разгромлены, что далее не могли существовать. Вражеское кольцо вокруг Германии и ее союзников еще более сузилось, и теперь, в 1944 году, со всей очевидностью следовало ожидать крупного вторжения на Западе...» В поисках людей в Вермахт было мобилизовано пригодное для несения военной службы население «присоединенных к Германии областей» и «фольксдойче». По его данным, средний возраст поставленных под ружье солдат армии резерва составлял 35–40 и более лет. После короткой (3–4 месяца) военной подготовки их сразу же бросали в бой. В последующем мобилизации стали подвергать даже пенсионеров и подростков.

Кроме живой силы, на Восточном фронте Третий рейх потерял и большую часть (3/4) боевой техники – самолетов, танков, пушек, минометов, самоходных установок, другого военного снаряжения.

Решающую роль Советского Союза в разгроме нацизма признавал и Уинстон Черчилль, в свое время заявивший, что именно Красная Армия сломала хребет гитлеровской военной машине. Спустя год после окончания «горячей» войны он же выступил вдохновителем ее «холодного» варианта. Последнее еще раз свидетельствует о причинно-следственной связи возможной войны с проводимой государственной политикой в целом и с лицом, представляющим интересы государства, в частности.

На оккупированной советской территории в тылу немецко-фашистских войск действовал еще один фронт – партизанский. Взгляды современных политизированных «ученых» о его слабости и бесперспективности дезавуируются воспоминаниями многих битых немецких генералов. Один из них, Лотар Рендулич, опираясь на собственный горький опыт, не лукавя, со знанием дела писал: «История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую же большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне. По своим размерам оно представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны»². Понятие «тотальная война» на захваченных немцами и их союзниками территориях Рендулич в первую очередь связывал с Советским Союзом.

Опираясь на эти и многие другие факты, есть все основания утверждать: Великая Отечественная стала главной составной частью Второй мировой войны, именно на полях ее сражений проходили решающие битвы, оттачивались тактика, стратегия и оперативное мастерство

¹ Кодовое немецкое наименование Курской битвы летом 1943 года. Со стороны Вермахта в ней участвовало 17 танковых дивизий (70 % от общего числа имевшихся). В сражении впервые приняли участие новейшие немецкие тяжелые танки «Пантера», «Тигр» и самоходные орудия «Фердинанд». Общая численность войск Вермахта, участвовавших в битве, составила около 1 млн человек. В ходе ожесточенных боев немцы потеряли 30 дивизий, из них 7 танковых. Генерал-полковник Гейнц Гудериан писал: «В результате операции «Цитадель» танковые войска, пополненные с таким трудом, понесли боевые потери в людях и технике и надолго потеряли свою боеспособность... Русские, разумеется, не преминули воспользоваться своей победой. С этих пор на Восточном фронте для нас не было ни минуты покоя».

² Не менее откровенным был и военный практик, он же основоположник теории развития и боевого применения бронетанковых войск, генерал-полковник Гейнц Гудериан, который отмечал: «Во время наступления 1941 года немецкие войска еще мало, а то и вообще не страдали от партизан. Но по мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».

противоборствующих сторон, здесь же были задействованы и их основные силы и резервы, в том числе и спецслужб.

Наряду со многими другими составляющими, история войн и военного искусства свидетельствует: кроме доступных форм, видов и способов разведки и контрразведки, применяемых в мирное время, в условиях войны противоборствующие стороны стремились к поиску и внедрению качественно новых приемов и методов, в том числе в сфере агентурно-оперативных ухищрений и уловок. Предпринимаемые шаги относились как к отдельным боям, битвам и стратегическим операциям, так и к попыткам в целом подорвать неприятельский тыл. Последнее в равной степени было присуще и «благородной разведке», и «низменному шпионажу».

Успех или поражение в предстоящей схватке на невидимом фронте во всех случаях закладывались уже на стадии ее разработки и подготовки. В последующем результаты зависели от конкретных исполнителей, их опыта и профессионального мастерства, надежности агентурных позиций, убедительности и достоверности легенд прикрытия, приемов маскировки, в определенной степени и от везения. «На войне, – гласил трактат древнеримского историка Непоты, – ничем не стоит пренебрегать». Не менее категоричным был и известный древнекитайский ученый и военный теоретик Сунь Цзы: «Разведчики особенно необходимы на войне. Они являются той опорой, с помощью которой двигается все войско».

Не стала в этом случае исключением и Вторая мировая война, прежде всего события на советско-германском фронте, а также в тылу Красной Армии. По образному определению английского историка Лиддела Гарта, для достижения успеха в тайной войне гитлеровские спецслужбы задействовали широкий спектр «стратегии не прямых действий» в лице всех видов разведки и контрразведки – военной, экономической, финансовой, политической, идеологической и др., применяли как их общие методы (агентурные, технические, воздушные, морские), так и специфические приемы (массовую заброску агентуры, точечные диверсии, индивидуальный террор и т. п.). В стороне не осталась и пропагандистская машина Третьего рейха. «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты, – хвастливо заявил Гитлер, – займет... пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии».

Важно отметить и такой факт: если формы подрывной деятельности противника в ходе войны не подверглись существенным изменениям, то ее задачи, направленность и методы не раз менялись. В зависимости от складывающейся военно-политической обстановки последние имели тактический, оперативный и стратегический характер. Главным оставалось одно: нанести как можно больший урон противоборствующей стороне.

Учитывая широкую палитру особенностей тайной войны, разнообразие противостояния немецко-фашистских и советских спецслужб, основное внимание в предлагаемой читателю работе сконцентрировано на некоторых наиболее важных вопросах и характерных чертах их деятельности.

С одной стороны, – это организация и результаты работы гитлеровских разведывательных и контрразведывательных органов и служб по осуществлению агентурной и войсковой разведки, проведение диверсионно-подрывной работы, применение агентурных, технических и других приемов и методов борьбы. В частности: их структура, функции и задачи, подбор и обучение агентурных кадров, их морально-психологическая подготовка, постановка соответствующих задач, способы проникновения в расположение частей и соединений Красной Армии, прифронтной и глубокий советский тыл, приемы и уловки маскировки, среди них – разработка легенд прикрытия, документальное, боевое и материально-техническое обеспечение, использование советской форменной одежды, поддельных наград и т. д.

С другой – это противодействие советских спецслужб проискам противника, поиск и усовершенствование правовых, организационных, тактических и других мер по локализации и пресечению подрывной деятельности гитлеровских агентов и диверсантов, изучение приемов, методов и способов действий врага на невидимом фронте и др.

Основными организаторами и исполнителями тайной войны со стороны нацистской Германии выступали Абвер (военная разведка и контрразведка) Верховного командования Вермахта (ОКВ) и Главное управление имперской безопасности (РСХА) в лице огромного количества их центральных, территориальных, фронтовых, армейских и других органов и служб – «Абвер-заграница», штаб «Валли», «Абверштелле», абверкоманд (абвергрупп), отделы 1Ц штабов частей и соединений Вермахта, «Зондерштаба Р», служба безопасности (СД), гестапо, «Унтермен Цеппелин» и многие другие. В структуре Абвера действовали и воинские части специального назначения – диверсионный батальон, затем полк, дивизия «Бранденбург-800», батальоны «Нахтигаль», «Бергман», «Ролланд», полк «Курфюрст» и др. Подобные формирования со временем появились и в структуре органов РСХА.

С их участием на Восточном фронте было развернуто активное внедрение новых приемов и методов осуществления диверсионно-разведывательной и подрывной работы, прежде всего против Красной Армии, в прифронтовых и глубинных районах, а также среди населения оккупированных областей. Один из них заключался в организации масштабной агитации и пропаганды, попытках формирования в советском тылу повстанческих организаций и групп.

Абверу и спецслужбам РСХА противостояли особые отделы, территориальные и транспортные органы Наркомата внутренних дел СССР, войска по охране тыла действующей армии, истребительные батальоны и группы содействия им, позже органы и службы Наркомата госбезопасности, военная контрразведка, получившая звучное название СМЕРШ (смерть шпионам).

Деятельность спецслужб противоборствующих сторон в годы Великой Отечественной войны условно можно разделить на несколько периодов, каждому из которых были присущи свои особенности и характерные черты. Первый охватывает 1941 – весну 1942 гг., когда главные усилия Абвера и РСХА были сосредоточены на действующей Красной Армии, а основные надежды по проведению масштабной подрывной работы возлагались на массовую заброску агентуры. Во многих случаях задействовались и подразделения абверовского «домашнего войска», а в Прибалтике, Украине и других местах – националистические формирования. С их помощью немцы, надо признать часто небезуспешно, осуществляли войсковую разведку, совершали захват важных тактических и стратегических объектов, прежде всего мостов и переправ, проводили многочисленные диверсии и террористические акты. Эти и другие эпизоды ярко отражены в романе Ивана Стаднюка «Война» и снятом по его мотивам одноименном фильме. В этот же период советская сторона, нередко путем грубых промахов и ошибок, искала пути и возможности противостоять подрывным проискам противника, накапливала оперативный опыт, стремилась к организационному совершенствованию своих спецслужб.

Первое военное потрясение Третьего рейха осенью – зимой 1941 г. под Москвой, неумное желание взять реванш за нанесенный «позор», планирование крупных наступательных операций на лето 1942 г. вынудили Абвер и РСХА коренным образом пересмотреть подходы к организации, структуре, кадровому составу и подготовке как отдельных агентов, так и разведывательно-диверсионных формирований, более четкому определению их функций и задач, улучшению материально-технического оснащения, легендированию, маскировке и т. д. Наряду с продолжающейся переброской на линию фронта и в прифронтовую полосу агентов-одиночек, основная ставка была сделана на небольшие, в составе 3–4, реже 10–25, иногда 30–40 и даже 100 и более человек, диверсионно-разведывательные группы с обязательным наличием в них радистов. Тогда же с помощью авиации началась их доставка не только в прифронтовые районы, но и в глубинные области СССР – Центральную часть России, Среднюю Азию, Кавказ, Урал, другие отдаленные места. Позже сюда стали направляться и более крупные диверсионно-разведывательные формирования со специфическими подрывными задачами, прежде всего для организации вооруженных банд и различных националистических выступлений. Тем самым немецкие спецслужбы вступили во второй период войны на невидимом фронте.

Пытаясь с помощью разведки, контрразведки и диверсий осуществить всестороннюю оценку сил, средств, вооружения, снаряжения и стратегических резервов Красной Армии, подорвать ее материально-техническую базу, Абвер и РСХА прилагали огромные усилия к проведению широких разведывательных операций, масштабных диверсий на важных военных и гражданских промышленных объектах, железнодорожных и других путях сообщений. Крупные террористические акты планировалось осуществить и против высших государственных и партийных деятелей, военачальников Советского Союза. В этот период появились новые разновидности специальных диверсионно-подрывных органов и служб противника – «Зондерштаб Р», Тайная полевая полиция (ГФП), «Унтермен Цеппелин», заметно активизировалась работа отдела генерального штаба ОКХ «Иностранные армии Восток» и др.

Потугам противника на невидимом фронте советская сторона в ходе войны противопоставила усовершенствованную систему охраны тыла действующей Красной Армии, более подготовленные разведывательно-контрразведывательные кадры, а главное – накопленный опыт агентурно-оперативной работы, знание основных сил и средств врага.

Неслыханное до этого в истории нацистской Германии поражение в «блицкриге» под Сталинградом, а особенно под Курском и Белгородом, положило начало третьему периоду в тайной войне. Продолжился он почти до конца 1944 г., когда немецко-фашистские войска вынужденно оставили территорию СССР. Тогда же гитлеровские спецслужбы задействовали все имеющиеся резервы, средства и возможности, пытаясь с участием разведки, при помощи диверсий и террора повлиять на дальнейший ход вооруженного противостояния. Невзирая на огромное число агентуры, совершенствование форм, методов и способов разведывательной и подрывной деятельности, желаемого успеха достичь не удалось. В контексте разворачивающихся событий примечательным стало то, что Абвер окончательно утратил свои позиции в сфере разведывательно-контрразведывательной и диверсионной работы. На первый план выдвинулись нацистские служба безопасности и тайная государственная полиция, а во фронтовых войсках Вермахта – отдел «Иностранные армии Восток». В этот же период существенно улучшилось вооружение и снаряжение немецких диверсантов и агентов, обеспечение их средствами связи, качественно новый уровень приобрели приемы различных уловок и маскировки.

Провал в 1943–1944 гг. широкомасштабных усилий Абвера и РСХА в поединке на невидимом фронте стал возможен благодаря кардинальной организационно-структурной перестройке деятельности советских спецслужб, приобретению ими невиданного до сего опыта контрразведывательной работы, совершенствованию личного и коллективного агентурно-оперативного мастерства. Лидирующее положение в вопросах военной контрразведки стал занимать СМЕРШ.

Четвертый, заключительный период в тайной войне пришелся на конец 1944–1945 гг. Стремления гитлеровских спецслужб сводились в основном к попыткам любой ценой приостановить наступление советских войск, дальнейшему усилению контактов с различными коллаборантами и националистическими организациями с целью усилить сопротивление Красной Армии. Руководящему эсэсовскому органу рейха принадлежала и идея организации диверсионно-разведывательных подразделений «Ваффен СС Ягдфербанд», «народного сопротивления» с участием фольксштурма и нацистского подполья, получившего название «Вервольф» («Оборотни»).

Невзирая на все старания, переломить ситуацию на открытом и невидимом фронтах не удалось. Крах гитлеровской Германии был предрешен самой историей. Слова Сунь Цзы, что «пользование шпионами самое существенное на войне: это – та опора, полагаясь на которую действует армия», но «из-за них не только проигрываются сражения, но и падают династии», стали для Третьего рейха во многом пророческими.

Работа подготовлена на основе широкого круга архивных источников, опубликованных документов и материалов, научных изысканий, энциклопедических изданий и справочников,

мемуаров и воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны. Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю признательность и благодарность всем, кто принимал участие в подготовке рукописи к печати, особенно Александру Колпакиди, Виталию Кубицкому, Бату Батову, Людмиле Дидух, Юрию Дьяченко, Сергею Богунову, Юрию Жуковину, Владимиру Шутову, Андрею Теклишину.

Глава I Истоки

Большой дом на Лубянке

Первая половина XX в. обозначилась широким спектром общественно-политических событий, оказавших влияние на весь ход мирового развития. Одним из них стало появление нового реакционного политического течения – фашизма. Приход в 1922 г. к власти в Италии «фаши ди комбаттиименто» засвидетельствовал не обычную смену одного правительства другим, а изменение формы классового государства: буржуазная демократия уступила место открытой террористической диктатуре. Оформление фашистской корпоративной государственности во главе с дуче Бенито Муссолини успешно завершилось в 1926 г.

В 1919 г. при активном участии Адольфа Гитлера и его соратников крайне радикальная партия возникла и в Германии. Получив годом позже название Национал-социалистическая (нацистская) рабочая партия (НСДАП), она положила начало разновидности фашизма – нацизму. В 1933 г. на обломках бывшей Веймарской республики нацисты подняли флаг Третьего рейха со свастикой – возникло государство, положившие в основу своей жизни и деятельности чудовищную форму произвола, ненависти и террора.

Фундаментом всей политики и идеологии национал-фашистов стали оголтелый, в самых изуверских его формах, расизм и агрессивная теория «жизненного пространства». Как разновидность крайнего шовинизма, расизм был объявлен государственным учением новой Германии. Нацисты утверждали: по своей природе одни расы призваны господствовать, другие обречены на рабство и угнетение. Провозгласив немцев «сверхлюдьми», приверженцы Гитлера призывали очистить их исторический путь от «неполноценных народов» и установить господство Третьего рейха над всем миром. Основными средствами достижения преступных целей нацисты провозгласили жестокость и насилие.

Кроме Германии и Италии, фашистская идеология проявление и поддержку нашла в различных частях Европы и Азии: Японии, Венгрии, Румынии, Финляндии, некоторых других странах. Назревала новая мировая война, и главной ее целью виделось «жизненное пространство» на Востоке, прежде всего за счет территории СССР.

Наряду с милитаризацией экономики, наращиванием военной мощи, подчинением захватническим целям внутренней и внешней политики союзники по оси Рим – Берлин – Токио взяли курс и на всестороннее развитие и укрепление спецслужб. В Германии ими стали Абвер, служба безопасности (СД) и гестапо, достигшие за короткое время заметных успехов в шпионском ремесле. Приоритетные позиции в мире в вопросах разведки и контрразведки в этот период занимала английская Ми-5. Мало чем уступали ей и «джентльмены» шпионажа из Японии, Финляндии, Польши и Франции. Заметно слабее были их коллеги в Италии, Венгрии, Румынии, странах Прибалтики.

В Советском Союзе, невзирая на «младенческий» возраст, кроме Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии, о себе громко заявила и политическая спецслужба в лице Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), а с июля 1934 г. – Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. Наркоматы внутренних дел со структурными управлениями госбезопасности были созданы также в союзных и автономных республиках, а в краях и областях – УНКВД, в них, соответственно, – отделы ГБ. Последние стали их основным разведывательно-контрразведывательным звеном.

В грядущей мировой войне именно спецслужбам Советского Союза и нацистской Германии предстояло сойтись в жестоком противостоянии на невидимом фронте. Борьба предполагалась упорной и кровопролитной.

Союзный наркомат внутренних дел возглавил Генрих Григорьевич Ягода, исполнявший после смерти Вячеслава Рудольфовича Менжинского обязанности председателя ОГПУ. Его первым заместителем (по оперативным вопросам) стал Яков Самуилович Агранов, вторым – Георгий Евгеньевич Прокофьев.

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР перед НКВД были поставлены задачи: обеспечение революционного порядка и государственной безопасности; охрана общественной (социалистической) собственности; охрана границ Союза ССР; запись актов гражданского состояния. Согласно принятому документу, при союзном наркомате предусматривалась и организация Особого совещания, которой предоставлялось «право применять в одностороннем порядке высылку, ссылку, зачисление в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы Союза ССР».

Досье

Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершионович) (1891–1938).

Участник революционных событий 1905–1907, 1917 гг. С 1919 г. на службе в ВЧК. В 1926–1929 гг. исполнял обязанности, затем первый заместитель, позже второй заместитель председателя ОГПУ. В 1934 г. возглавил НКВД. Проводил активную работу по осуществлению в стране репрессий, что, однако, не спасло его от гнева вождя. 26 сентября 1936 г. в телеграмме в адрес Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин и Жданов писали: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на должность наркома внутренних дел. Ягода явно оказался не на высоте своего задания в раскрытии троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

Тогда же Ягода лишился должности. Некоторое время номинально находился в кресле наркома связи СССР. В январе 1937 г. был отправлен в отставку, а в марте подвергся аресту. Обвинялся в предательстве, организации убийства В. Менжинского, М. Горького, его сына М. Пешкова, в попытках отравить Н. Ежова и т. д. «Если бы я был шпионом, – заявил Ягода на суде, – то десятки стран мира могли бы закрыть свои разведки».

Приговор вынесли на процессе во время рассмотрения дела Н. Бухарина, А. Рыкова и др. Казнен 15 марта 1938 г. Расстрелу подверглась и жена – Ида Леонидовна Авербах. В 1988 г. все, кто проходил по делу на том процессе, были реабилитированы. Кроме Г. Г. Ягоды.

Среди пятнадцати главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата НКВД (пограничной и внутренней охраны, рабоче-крестьянской милиции, исправительно-трудовых лагерей и др.) общей численностью 8 211 человек лидирующее положение заняло Главное управление государственной безопасности в 1410 штатных единиц. Структурно оно состояло из восьми отделов (оперативного, особого, секретно-политического, экономического, иностранного, транспортного, учетно-статистического, специального). И хотя в 1934–1936 гг. союзный и республиканские НКВД, их территориальные подразделения и службы не раз подвергались реорганизации, уточнению структуры и штатов, ГУГБ и его местные органы оставались «неприкасаемыми». Изменения коснулись лишь отдела кадров центрального аппарата. Такая же ситуация наблюдалась в республиках, краях и областях. «Первую скрипку» здесь играли управления и отделы госбезопасности. Удивлял лишь факт отсутствия собственно руководителя ГУГБ НКВД СССР. Долгое время он не назначался, и лишь потому, что такая должность не предусматривалась в штатном расписании. На практике общее руководство глав-

ком осуществлял Г. Ягода, а повседневная оперативная работа лежала на первом заместителе наркома. Официальным руководителем ГУГБ Я. Агранов был назначен лишь в декабре 1936 г., но в новой должности он проработал менее полугода. Его сменил М. П. Фриновский.

Досье

Фриновский Михаил Петрович (1898–1940).

Командарм 1-го ранга.

Сын учителя. Окончил духовное училище, курсы высшего командного состава при Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. Унтер-офицер императорской армии. В 1918 г. вступил в партию большевиков. Участник гражданской войны. В органах ВЧК с 1919 г. Службу проходил в Особом отделе Южного фронта. Длительное время работал в органах госбезопасности Украины, затем на Северном Кавказе. С ноября 1928 г. – командир дивизии особого назначения им. Ф. Э. Дзержинского, позже – председатель ГПУ Азербайджана. С 1933 г. – начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны ОГПУ (с июня 1934 г. – НКВД СССР). В октябре 1936 г. стал заместителем Н. Ежова, затем первым заместителем и начальником ГУГБ (с июня 1938 г. – 1-го Управления). Верный сподвижник Н. Ежова.

В сентябре 1938 г. временно исполнял обязанности наркома ВМФ СССР. Удостоен многих государственных наград. 6 апреля 1939 г. подвергся аресту. В июле 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР был вынесен приговор – расстрел. Не реабилитирован.

Задачи, поставленные перед ГУГБ НКВД, объединившим все основные оперативно-чекистские подразделения бывшего ОГПУ, были многогранными: охрана партийно-государственного руководства; заграничная разведка; борьба с диверсиями, шпионажем; борьба с изменой Родине, контрреволюцией, террором, другими государственными преступлениями; охрана государственной тайны; выполнение специальных заданий правительства СССР по обеспечению революционного порядка и государственной безопасности.

На Оперативный отдел (Оперод, начальник – К. В. Паукер) возлагались охрана высших должностных лиц партии и правительства, проведение обысков, арестов, осуществление наружного наблюдения, использование оперативной техники, обеспечение контроля за работой правительственной связи и пр.

Борьбу с иностранным шпионажем, диверсиями, оперативно-чекистское обслуживание РККА и РКВМФ осуществлял Особый отдел (ОО – М. И. Гай). Экономическому отделу (ЭКО – Л. Г. Миронов) вменялось оперативно-чекистское обслуживание отраслей народного хозяйства, борьба с вредительством. Такие же задачи, только на транспорте, возлагались на Транспортный отдел (ТО – В. А. Кишкин, с марта 1935 г. – А. М. Шанин).

Секретно-политический отдел (СПО – Г. А. Молчанов) вел борьбу с «бывшими» политическими партиями, партийной оппозицией, «контрреволюционным» духовенством, националистическими движениями. Проводил он и оперативно-чекистское «обслуживание» интеллигенции, учебных заведений, государственных управленческих аппаратов и др.

Учетно-статистический отдел (УСО, с мая 1936 г. – Учетно-архивный, с ноября 1936 г. – Учетно-регистрационный отдел (УРО) – Я. М. Генкин) осуществлял хранение оперативных материалов, регистрацию и учет дел арестованных, вел справочную и статистическую работу, а также главную оперативную картотеку. Специфической деятельностью занимался Специальный отдел – шифрование и дешифрование, охрана государственной тайны, осуществление контроля за сохранением секретности переписки в НКВД, партийных и государственных органах и т. д.

Историческая справка

Отдел был создан в 1921 г., когда по решению Малого Совнаркома при ВЧК заработала криптографическая служба, получившая со временем название «специальной». По инициативе Ф. Э. Дзержинского ее руководителем стал Глеб Иванович Бокий. Тогда же появился и приказ, предписывающий центральным и периферийным органам «чрезвычайки» направлять в Спецотдел обнаруженные при обысках и арестах, а также полученные агентурным путем и даже случайно шифры, ключи к ним, шифрованные материалы и т. д. Вскоре в комплексе связи Советского Союза была введена и более надежная (криптостойкая) шифрсистема.

За короткое время с участием Г. Боккого удалось организовать почти образцовую работу по криптографии и радиоразведке. В частности, начала функционировать радиопеленгаторная станция № 3, положившая начало советской военно-морской радиоразведке. С учетом особой значимости Спецотдела, будучи формально в структуре ОДПУ – НКВД, реально он находился в ведении ЦК ВКП(б). Ситуация кардинально изменилась с приходом в НКВД Н. И. Ежова. Реорганизация ведомства, а также изгнание «птенцов» Генриха Ягоды кардинально отразились не только на отделе, но и на судьбе его руководителя. Глебу Бокому была оказана «особая» честь: 16 мая 1937 г. его арестовали в кабинете наркома. В ноябре вынесли смертный приговор, вскоре расстреляли. Реабилитирован в 1956 г.

На Иностранный отдел (ИНО – А. Х. Артузов, с мая 1935 г. – А. А. Слуцкий) возлагались внешнеполитическая, экономическая, научно-техническая разведка и внешняя контрразведка. Отдел кадров возглавлял Я. М. Вейншток. Задача отдела заключалась в подборе и обучении кадров для ГУГБ.

Аналогичные функции и задачи возлагались на аппараты территориальных органов государственной безопасности. Общим в деятельности структурных подразделений ГУГБ было одно: агентурно-оперативная работа.

7 октября 1935 г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление о введении для личного состава органов и войск НКВД специальных персональных званий. Для высшего начальствующего состава ГУГБ ими стали звания комиссаров и майоров государственной безопасности, средний и старший состав ограничился званиями наподобие армейских. Наркому внутренних дел СССР предусмотрели звание генерального комиссара госбезопасности. Для военнослужащих войск НКВД вводились такие же воинские звания, как в РККА.

В ноябре, в зависимости от занимаемой должности, начальствующий состав ГУГБ одел новые, определенного размера, количества и цвета звезды и звездочки, а также специальный нарукавный знак принадлежности к ГУГБ.

Историческая справка

Знаки различия на петлицах (ромбы, квадраты и треугольники) в Красной Армии были установлены в июне 1924 г. В сентябре они были приняты в органах и войсках ОГПУ. В марте 1925 г. для старшего начальствующего состава были введены прямоугольники («шпалы»). Все знаки различия штамповались из красной листовой меди или томпака. Их наружная сторона серебрилась и покрывалась сквозной или глухой эмалью красного цвета. Петличные знаки различия образца 1924 г. в неизменном виде просуществовали до декабря 1935 г.

В зависимости от занимаемой должности цвет петлиц (красный или зеленый) и соответствующее количество ромбов, прямоугольников, квадратов и треугольников устанавливались по 13 категориям – от первой (два треугольника) до тринадцатой – четыре ромба. Генриху Ягоде, возглавлявшему НКВД, полагались «чистые» петлицы, что его очень огорчало.

В октябре 1935 г. в войсках НКВД были введены воинские звания для командного состава и специальные для политического, военно-технического, военно-медицинского и других административно-тыловых служб.

Начальствующему составу органов государственной безопасности предусматривалась отдельная система специальных званий, состоявшая из трех категорий: средний начсостав – младший лейтенант, сержант; старший – капитан, старший лейтенант, лейтенант; высший – комиссар 1, 2 и 3-го рангов, старший майор, майор. Ко всем званиям добавлялись слова: «государственной безопасности». Наркомму внутренних дел СССР полагалось специальное звание – генеральный комиссар государственной безопасности, которое приравнивалось к маршалу Советского Союза. В истории НКВД его получили трое – Генрих Ягода, Николай Ежов и Лаврентий Берия.

В иерархии воинских и специальных званий звания госбезопасности стояли на два порядка выше. Так, сержант ГБ (сержантских званий в РККА еще не существовало) соответствовал званию армейского лейтенанта (младшего политрука); младший лейтенант ГБ – старшему лейтенанту (старшему политруку); лейтенант ГБ – капитану (старшему политруку); старший лейтенант ГБ – майору (батальонному комиссару); капитан ГБ – полковнику (полковому комиссару); майор ГБ – комбригу (бригадному комиссару); старший майор ГБ – комдиву (дивизионному комиссару); комиссары ГБ 3, 2 и 1-го рангов – соответственно комкору, командиру 2-го и командиру 1-го рангов (корпусному комиссару, армейскому комиссару 2-го ранга, армейскому комиссару 1-го ранга).

Для сотрудников ГУГБ была также установлена специальная форма одежды и знаки различия. Цвет петлиц остался прежним – краповый для сотрудников госбезопасности и внутренней охраны, светло-зеленый – для военнослужащих пограничной охраны.

Знаки различия на рукавах (1935 г. – июль 1937 г.): генеральный комиссар ГБ – одна большая нарукавная шитая золотом звезда, окаймленная красным, синим, зеленым и краповым шитьем, в центре звезды – серп и молот красного цвета, под звездой – золотой эгут; комиссар 1-го ранга – четыре шитые золотом звезды: три в ряд, одна сверху; комиссар ГБ 2-го ранга – четыре шитые золотом звезды: три в ряд, одна снизу; комиссар ГБ 3-го ранга – три нарукавные шитые золотом звезды: две в ряд, одна сверху; старший майор ГБ – две нарукавные шитые золотом звезды в ряд; майор ГБ – одна нарукавная шитая золотом звезда; капитан ГБ – три нарукавные шитые серебром звезды: две в ряд, одна сверху; старший лейтенант ГБ – две нарукавные шитые серебром звезды; лейтенант ГБ – одна нарукавная шитая серебром звезда; младший лейтенант и сержант ГБ – соответственно три (один сверху и два в ряд) и два в ряд нарукавных красного цвета усеченных треугольника.

Петлицы в новой форме одежды были крапового цвета с малиновым кантом и одной продольной полосой посередине – цвета серебра от сержанта до капитана ГБ включительно и цвета золота от майора ГБ и выше. Имелся и специальный нарукавный знак: в первом случае – овал (щит) и клинок меча цвета серебра с эфесом меча, серпом и молотом цвета золота; во втором – овал цвета золота, с мечом, серпом и молотом цвета серебра.

Из «низов» посылались нарекания, что размещенные на рукавах знаки различия не видны в строю. Начиная с апреля 1936 г. чины госбезопасности «персональные» звезды в предыдущем количестве стали носить на петлицах. Размещались они на продольной золотой (серебряной) полосе. Младшие лейтенанты и сержанты ГБ имели на петлицах соответственно по три и два усеченных треугольника на серебряных продольных полосах.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1937 г. личный состав органов ГУГБ был переведен на систему знаков различия РККА. Были приняты и аналогичные армейским знаки различия на петлицах: покрытые красной эмалью посеребренные «ромбы», «шпалы» и «квадраты». Просуществовали они до февраля 1943 г. Соответственно: генеральный комиссар ГБ – большая золоченная вышитая звезда; комиссар ГБ 1-го ранга – четыре ромба и над ними

звезда цвета золота; комиссары ГБ 2–3-го рангов, старший майор, майор ГБ – четыре, три, два и один ромбы; капитан, старший лейтенант и лейтенант ГБ – три, две и одна «шпалы»; младший лейтенант и сержант ГБ – три и два квадрата («кубари»).

В 1935–1937 гг. отличительные особенности в знаках различия имели сотрудники госбезопасности, проходившие службу в особых отделах (контрразведке). В телеграмме (сентябрь 1935) на имя Сталина (находился на отдыхе в Сочи) Г. Ягода писал, что армейские особы носят форму и знаки различия, отличные от командного и начальствующего состава РККА, что затрудняет их деятельность в частях, казармах и складах, поскольку ведет к их расконспирированию и невозможности осуществления агентурной работы. В объявленном в мае 1936 г. «Положении об особых органах ГУГБ НКВД СССР» отмечалось: сотрудники особых отделов корпусов, флотов, особых отделений дивизий, бригад, укрепрайонов, флотилий, а также отдельные оперативные работники, прикрепленные к частям и учреждениям РККА, носят форму одежды и знаки различия военно-политического состава соответствующих родов войск согласно их персональным званиям органов госбезопасности: 2 ромба – старший майор ГБ, 1 ромб – майор ГБ, капитан, старший лейтенант и лейтенант ГБ – соответственно 3, 2 и 1 прямоугольник («шпалы»). Младший лейтенант и сержант госбезопасности ограничились тремя квадратами («кубарями»). На рукавах все сотрудники особых отделов обязывались носить красные пятиконечные звезды военно-политического состава РККА.

В последующем ситуация со званиями для армейских особистов практически не изменилась.

В 1943 г. существующая система званий в государственной безопасности была дополнена званиями подполковника, полковника и комиссара ГБ, одновременно ликвидировались звания сержанта и старшего майора. Вводилась также новая категоричность офицерских званий: высший состав – комиссар, комиссар 3, 2 и 1-го рангов; старший – майор, подполковник, полковник; средний – младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант и капитан, а также младший начальствующий состав – старшина, старший сержант, младший сержант специальной службы. Были введены новые знаки различия – погоны, число больших и малых звезд и звездочек на них соответствовало армейским званиям: комиссар ГБ – 1 звезда (генерал-майор); комиссары ГБ 3, 2 и 1-го рангов – соответственно 2, 3 и 4 звезды (генерал-лейтенант, генерал-полковник и генерал армии). Адекватные новшества постигли и младший начальствующий состав.

11 июня 1945 г. в соответствии с Указом ПВС СССР для сотрудников НКВД-НКГБ, имеющих специальные звания госбезопасности всех уровней, вводились звания, аналогичные званиям в Красной Армии.

В октябре 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено и «Положение о прохождении службы начальствующим составом Главного управления госбезопасности НКВД СССР». Однако окончательная его редакция увидела свет только через год.

В сентябре 1936 г., публично объявив, что Генрих Ягода «оказался не на высоте своего задания по раскрытию троцкистско-зиновьевского блока», а «чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью, и пора нам заняться ее лечением», Сталин предложил заменить его на посту наркома Николаем Ежовым. Участь отставки постигла и заместителя Г. Ягоды – Г. Прокофьева. 1 октября новый руководитель НКВД приступил к исполнению своих обязанностей. В отличие от Г. Ягоды, прежде всего по причине незнания глубины «чекистского дела», Н. Ежов не стал взваливать на себя бремя руководства ГУГБ. До середины апреля 1937 г. его возглавлял Я. С. Агранов, а затем, до марта 1938 г. – М. П. Фриновский. Он же стал и первым заместителем наркома. Я. С. Агранов удовлетворился лишь должностью заместителя.

Досье

Ежов Николай Иванович (1895–1940).

В анкетах сообщал, что имеет незаконченное нижнее образование – реально это были два-три класса церковно-приходской школы. Учился на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). Начальный этап биографии практически неизвестен.

С 1913 г. в армии. В связи с малым ростом (151 см) находился в нестроевой команде. Работал в артиллерийских мастерских.

В мае 1917 г. вступил в ряды РСДРП(б). С 1919 г. боец Красной Армии. Рядовой, затем комиссар военной радишколы. Вместе с ее командованием подвергся аресту Особым отделом Западной армии. Был осужден условно.

В 1921 г. избран заведующим агитационно-пропагандистским отделом Татарского обкома РКП(б). В последующие годы – секретарь обкома, губкома и крайкома партии. Был делегатом двух (XII и XIV) партийных съездов. С февраля 1927 г. – инструктор Орграспредела ЦК ВКП(б), в 1930 г. его возглавил. Близко сошелся со Сталиным. Избирался членом ЦК, Оргбюро ЦК, секретарем ЦК ВКП(б).

26 сентября 1936 г. занял кресло наркома внутренних дел СССР. С весны 1937 г. ввел в республиках «разнарядку» на количество людей, подлежащих аресту, а также расстрелу, высылке и т. д.

Финал карьеры «железного наркома» пришелся на 1938 г. Написал на имя Сталина покаянное заявление о допущенных «грехах», просил освободить от обязанностей наркома, недолгое время находился в должности наркома водного транспорта. 10 апреля 1939 г. подвергся аресту в здании ЦК. Обвинялся в руководстве организацией заговорщиков в войсках и органах НКВД, проведении шпионской работы в пользу иностранных разведок, подготовке вооруженного восстания против советской власти. В феврале 1940 г. Верховный суд вынес приговор – высшая мера наказания. Расстрелян. Родные Н. И. Ежова не раз обращались с просьбой о реабилитации. Ходатайство было отклонено.

«Эра» Николая Ежова в историю вошла стремительными изменениями в жизни силового ведомства и множественными организационно-структурными преобразованиями. Чуть ли не главным ее содержанием стала чистка «птенцов» Генриха Ягоды и назначение на ведущие должности «верных» соратников «железного» наркома. На этот раз наибольшей реорганизации, как кадровой, так и структурной, подверглось ГУГБ. За первые три месяца нахождения в должности за «принадлежность и связь с контрреволюционерами, троцкистами, правыми, националистами, за измену и шпионаж» из системы госбезопасности Ежов уволил 1361 сотрудника, 884 из которых подверглись аресту. На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) нарком подчеркнул: «В условиях обострения классово-политической борьбы агентурной работе розыска врагов народа мы придаем решающее значение».

«НКВД – это не просто ведомство, – пафосно заявил в свою очередь в день двадцатилетия (20 декабря 1937 г.) органов госбезопасности Анастас Микоян. – Это организация наиболее близкая всей нашей партии, всему нашему народу... Партия поставила во главе советских карательных органов талантливого, верного сталинского ученика Николая Ивановича Ежова, у которого слова никогда не расходятся с делом. Славно поработал НКВД за это время. Он разгромил подлые шпионские гнезда троцкистско-бухаринских разведок, очистил нашу страну от многих врагов народа...» О размахе и последствиях борьбы с «врагами народа» свидетельствует, в частности, документ, касающийся событий в Украине.

Архив

ЗАМ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР —
КОМКОРУ тов. ФРИНОВСКОМУ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
К ОТЧЕТУ ОБ ИТОГАХ ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ НКВД УССР³
За время с 1 октября 1936 года по 1 июля 1938 года

Оперативную деятельность органов НКВД на Украине нужно разбить на **три периода**. **Первый период** охватывает конец 1936 года и первое полугодие 1937 года. В этот период у руководства органов НКВД на Украине находился враг народа Балицкий. Им было сделано все для того, чтобы сохранить от разгрома основные кадры антисоветских формирований на Украине. Балицкий организованно проводил неприкрытое сопротивление выполнению оперативных приказов НКВД СССР...

Второй период работы органов НКВД Украины принципиально ничем не отличен от первого и относится ко второй половине 1937 года. Продолжателем предательской деятельности Балицкого в органах НКВД на Украине, как известно, явился изменник Леплевский. Последний, не имея возможности продолжать открытый саботаж борьбы с контрреволюцией; избрал для своей антисоветской деятельности в органах НКВД иную тактику. Эта тактика характеризовалась массовыми, огульными, необоснованными арестами, со ставкой на то, чтобы в операции не затронуть организующие центры антисоветских формирований на Украине. Создавая большую шумиху вокруг массовых арестов и внешнюю видимость активной борьбы с контрреволюцией, Леплевский сдерживал разгром руководящих центров украинских антисоветских формирований... Если в этот период и были вскрыты право-троцкистские и националистические организации, то это было сделано по материалам Вашего и тов. Бельского приезда на Украину. Леплевский сорвал всю работу по дальнейшему разгрому этих организаций, сделав все для того, чтобы смазать дела и не дать им надлежащего разворота⁴.

Коренной перелом в оперативной деятельности органов НКВД на Украине произошел на основе непосредственных указаний Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР – Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова по разгрому антисоветского подполья, данных им во время его приезда на Украину в феврале 1938 года. На базе этих указаний прежде всего была проведена чистка аппарата органов НКВД от участников антисоветской заговорщической организации и шпионов иностранных разведывательных органов, насажденных в аппарате Балицким и Леплевским. За 1938 год в аппарате НКВД УССР было арестовано 261 предателей – участников право-троцкистской организации, других антисоветских формирований и шпионов иностранных разведывательных органов. В составе арестованных – значительное количество работников, занимавших ответственные руководящие посты на оперативной работе. Одновременно основной упор в работе был взят на полный разгром антисоветских формирований право-троцкистской и националистической организа-

³ См.: Приложение, документ № 1.

⁴ 7 июня 1937 г. в недрах НКВД СССР появился приказ № 00321, в котором говорилось: «Для выявления и разгрома шпионских, вредительских, диверсионных, заговорщических, троцкистских и других контрреволюционных групп на территории УССР, а также в частях РККА Киевского, Харьковского военных округов и укрепрайонов, командировать в УССР моего заместителя комкора Фриновского... Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Генеральный комиссар государственной безопасности Ежов». В августе того же года с подобной миссией в Украине побывал еще один заместитель Ежова – Лев Бельский. Если в первом случае наряду с усилением репрессий кресла наркома внутренних дел УССР лишился Всеволод Балицкий, то в ходе второго визита такая же участь постигла Израила Леплевского. В должности он пребывал немногим более полугода.

ций, а также на вскрытие важнейших организующих центров других организаций из украинского антисоветского подполья.

Были вскрыты 11 областных право-троцкистских центров, 136 районных право-троцкистских организаций и 149 кулацко-повстанческих отрядов, созданных в районах право-троцкистскими организациями.

В 1938 году изъято кадровых участников право-троцкистской организации (без низовки) – 2852 человека, в том числе значительное количество лиц, пролезших в партийный и советский аппарат, как центральных органов Украины, так и в областях. Руководство повстанческой низовкой и комплектование кадров осуществлялось организацией из бывших партизан, действовавшей под руководством право-троцкистской организации. Деятельность антисоветской партизанской организации протекала под руководством всеукраинского антисоветского партизанского штаба. Этот штаб возглавлялся бывшим председателем всеукраинской партизанской комиссии Войцеховским. Арестовано 1200 человек руководящего состава антисоветской право-троцкистской партизанской организации...⁵

За отчетный период органами НКВД Украины ликвидировано значительное количество националистических, фашистских организаций, созданных эмиссарами польской, германской, румынской и других разведок. Арестовано участников этих организаций по линии польской – 18192 человека; германской – 9317 человек; румынской – 2073; латвийской – 803; японской – 550 и греческой – 1987. На Украине ликвидировано польских-фашистских организаций – 486, немецких-фашистских организаций – 201 и румынских – 28. В составе участников этих фашистских организаций арестовано значительное количество шпионов, польской, германской, латвийской и других иностранных разведок, связанных с иностранными консульствами в Киеве, Одессе, Харькове и их резидентами. В Запорожье, Харькове, Одессе и других пунктах обнаружены нелегальные радиостанции и технические пункты германской разведки. При ликвидации этих пунктов были изъяты коротковолновые двухсторонние передатчики, телеграфные аппараты, часовые механизмы к адским машинам, мощные трансформаторы, зеркальные рефлекторы большой светоотражательной силы, аппаратура для пеленгаций и взрывов, лаборатории тайнописи и т. д.

В процессе ликвидации антисоветского подполья на Украине, главным образом при разгроме повстанческих формирований, выявлено и изъято значительное количество оружия. В 76 тайных складах изъято 39 606 единиц боевого, нарезного, огнестрельного оружия, 442 332 штук патронов и 3 245 килограммов взрывчатых веществ. В том числе изъяты пулеметов – 21, гранатометов – 4, винтовок – 10 134, обрезов – 7 728, револьверов – 21 682.

⁵ В 1922 г. по решению ЦК ВКП(б) развернулась широкомасштабная работа по подготовке к «малой войне». Она включала: разработку пособий по тактике партизанских действий; создание особых партизанских школ; разработку специальной техники и вооружения; закладку (преимущественно в западных областях СССР) тайных баз и складов; формирование боевых и подпольных групп. Общее руководство всей работой осуществляли ОГПУ и ГРУ РККА. В целом в 1920-е – начале 1930-х гг. подготовка к партизанским действиям на случай войны являлась составной частью государственной военной доктрины и имела целенаправленный и продуманный характер. Однако уже в середине 1930-х гг. работа в этом направлении прекратилась, и почти все, что удалось сделать на протяжении почти 10 лет, было уничтожено. «У нас, – вспоминал «диверсант XX ст.» И. Г. Старинов, – к 1932 году было все подготовлено на случай, если противник вторгнется в наши пределы. В его тылу должно было начаться организованное, массовое партизанское движение... На это мы потратили десять лет. Но все мероприятия были ликвидированы по двум причинам. Первая: мы возомнили, что не будем отступать, а будем воевать только на чужой территории. Вторая, самая страшная, – что к врагам народа причислили замечательных партизан. В ноябре 1937 года я возвратился из Испании, где был советником соединения во главе с Доминго Унгурия. За 10 месяцев из диверсионной группы оно выросло в 14-й партизанский корпус. А на родине я увидел страшную картину: все мои бывшие руководители обвинялись как «враги народа». К сожалению, в 1937–1938 гг. у нас были уничтожены все заблаговременно подготовленные базы, репрессировано большинство ответственных работников. Из тысячи подготовленных накануне командиров и других специалистов в живых остались единицы». Слова «партизан», «партизанщина» стали синонимами неорганизованности, более того – предательства. Среди других субъективных факторов основополагающим и решающим стала маниакальная подозрительность, порожденная убеждением, что наряду с «армейским заговором» существует законспирированная, хорошо вооруженная, особенно в Украине, «подпольно-партизанская сеть врагов народа».

По проведенным в 1938 году делам осуждено участников организации (исключая арестованных 1937 года, осужденных в 1938 году) – 38 190. Из 38 190 человек осуждено к высшей мере наказания – 37 158 арестованных.

Находится на рассмотрении в НКВД СССР в порядке приказа № 00485 1937 года дел на 28 822 арестованных. На рассмотрении Особого Совещания НКВД СССР дел на 1 001 арестованного. Утверждено к рассмотрению на Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР дел на 1 180 арестованных. Числится за спецколлекцией и Военным Трибуналом дел на 4 430 арестованных. Заканчивается дел для направления на слушание в судебных инстанциях на 22 452 арестованных.

*Народный комиссар внутренних дел УССР
комиссар государственной безопасности III ранга
Успенский⁶
24 сентября 1938 года*

Тогда же был упразднен Экономический отдел, а Особый отдел разделен на два самостоятельных подразделения: ОО – военная контрразведка и Контрразведывательный отдел (КРО – борьба с иностранными шпионами). Появились и новые оперативные подразделения: Отдел охраны высшего партийного и государственного руководства, Тюремный отдел (ТО) и другие. В конце 1936 г. в целях конспирации оперативно-чекистским отделам главка, а также соответствующим отделам и отделениям УГБ территориальных и местных органов НКВД была присвоена нумерация. Замене подверглись и большинство их руководителей: 1-й отдел (Охрана – К. В. Паукер); 2-й отдел (Оперод – Н. Г. Николаев-Журид); 3-й отдел (КРО – Л. Г. Миرونнов); 4-й отдел (СПО – В. М. Курский); 5-й отдел (ОО – И. М. Леплевский); 6-й отдел (ТО – А. М. Шанин); 7-й отдел (ИНО – А. А. Слуцкий); 8-й отдел (УРО – В. Е. Цесорский); 9-й отдел (СО – Г. И. Бокий); 10-й отдел (тюремный – Я. М. Вейншток).

Кроме массовых кадровых «чисток» и неумных организационно-штатных изменений в советском обществе, время «железного» наркома запомнилось прежде всего жестокими репрессиями, в том числе в органах госбезопасности и внутренних дел. Из всех названных и многих других их высших руководителей к 1939 г. уцелели лишь единицы. Немало оказалось и тех, кто покончил жизнь самоубийством. В ходе следствия, находясь под арестом, Ежов заявил: «...Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил»⁷.

Как результат, начиная со второй половины 1930-х годов в деятельности карательных и правоохранительных органов страны усиливалась атмосфера подозрительности и недоверия, одновременно в вопросах оперативно-розыскных мероприятий тормозилась творческая инициатива, пресекались наименьшие попытки отдельных сотрудников разобраться в оперативных данных или материалах следственных дел, собрать убедительные доказательства вины арестованных. Поощрялись карьеризм, жестокость, подхалимство, погоня за количеством выявленных «троцкистов, бухаринцев, зиновьевцев» и других «врагов народа».

Смена ежовской команды заметно отличалась от решения «проблемы» Генриха Ягоды. Тогда, в 1936 г., все началось внезапно и закончилось быстро. В сложившихся обстоятель-

⁶ Наркомом внутренних дел УССР Александр Успенский был менее полугода. В ноябре 1938 г. в кабинете первого секретаря Компартии Украины Никиты Хрущева раздался телефонный звонок. Звонил Сталин. – Есть показания на наркома Успенского и они у нас не вызывают сомнений. Можете арестовать его сами? – Можем, если будет поручено. – Арестуйте. Через несколько минут снова сигнал из Кремля: – На счет Успенского ничего не предпринимайте. Мы это сделаем сами. Вызовем в Москву и арестуем... Узнав о грозившей беде, Успенский симитировал самоубийство, оставив в рабочем кабинете записку: «Иду из жизни. Тело ищите в Днепре». Скрывался. Аресту подвергся в апреле 1939 г. на Урале. Участь В. Балицкого, И. Леплевского и А. Успенского оказалась одинаковой – расстрел.

⁷ Возглавив НКВД, в докладной Сталину (1940) Берия писал: «Из числа сотрудников НКВД разоблаченных, выявленных врагов народа осуждено 63 079 человек. Расстреляно 41 080 человек. Продолжают отбывать наказание 22 319».

ствах ситуация требовала изменить как последовательность шагов, так и ход событий. Вынужденно учитывался и тот факт, что за прошедшие полтора года вокруг сталинского наркома сложился ореол борца со злом, его славили с самых высоких государственных и партийных трибун, а успехи в борьбе с происками врага неразрывно связывались с его именем. Был избран изящный, но с известным финальным концом вариант. При временном сохранении за Ежовым кресла наркома взялись за его выдвиженцев. В ГУГБ процесс реформ ускорился реорганизацией главка (март 1938 г.) в Управление государственной безопасности (УГБ) с одновременными организационно-штатными изменениями. В сентябре наркома внутренних дел ожидал очередной неприятный сюрприз: вместо желаемого им в первые заместители М. И. Литвинова (в то время начальник УНКВД Ленинградской области) им стал Лаврентий Берия. Он же возглавил и тут же обновившее предыдущий правовой статус Главное управление государственной безопасности. Спустя три месяца по воле «хозяина» Берия оказался в кресле наркома, а в ГУГБ появился новый руководитель – В. Н. Меркулов. Заместителями Берии стали В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов и И. А. Серов.

По сравнению со структурой главка периода июля 1934 – марта 1938 гг., в реанимированном ГУГБ поменялась лишь нумерация подразделений, исчезли тюремный, транспортный, учетно-статистический и некоторые другие отделы. Взамен возникли секретно-шифровальный отдел и следственная часть главка. Из всех их наибольший интерес в нашем случае представляют 3-й Контрразведывательный и 4-й Особый отделы. На момент очередной реорганизации НКВД (февраль 1941 г.) их возглавляли комиссар госбезопасности 3-го ранга П. В. Федотов и майор ГБ А. Н. Михеев.

В феврале 1941 г. во всесильном союзном силовом ведомстве состоялась очередная реорганизационная чехарда. В официальном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О разделении Наркомата внутренних дел на два наркомата» отмечалось: «В связи с необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы, проводимой Народным комиссариатом внутренних дел СССР, ее многообразием. . . , ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Разделить Народный комиссариат внутренних дел СССР на два наркомата:
 - а) Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД);
 - б) Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ)».

Из НКВД к НКГБ отходили все чекистско-оперативные и специальные технические подразделения. Наркомом госбезопасности был назначен В. Н. Меркулов.

Разделение предполагалось осуществить в течение месяца. На местах соответственно требовалось организовать республиканские НКВД и НКГБ, их территориальные органы. В функции НКГБ (п. 2) вменялось «выполнение задач по обеспечению государственной безопасности СССР путем разведывательной и контрразведывательной работы внутри страны и за рубежом», оперативной разработки и ликвидации контрреволюционных сил, антисоветских партий, охраны высшего руководящего состава партии и правительства. «Установить, – подчеркивалось в документе, – что НКГБ освобождается от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственной с задачами, перечисленными в пункте 2 настоящего постановления».

За НКВД оставались вопросы охраны общественного порядка, государственных границ, войсковой охраны особо важных промышленных и железнодорожных сооружений, руководство местами заключения и др.

С учетом историко-традиционного противостояния между спецслужбами и органами внутренних дел, процесс разделения полномочий, имущества, а главное – решение организационно-штатных вопросов и т. д. проходили с большими трудностями, множественными конфликтами и спорами. Ситуация обострилась настолько, что в апреле 1941 г. к «единству действий» НКВД и НКГБ были вынуждены даже призвать ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

В контексте рассматриваемого вопроса заслуживают внимания структура, функции и задачи органов военной контрразведки в советских Вооруженных Силах. На момент создания в 1934 г. общесоюзного и республиканских наркоматов внутренних дел по сравнению с предыдущим периодом (1920—30-е гг.), когда они были поглощены ОГПУ и республиканскими ГПУ, принципы их построения практически не изменились. До середины 1938 г. руководителями особых отделов военных округов по совместительству были начальники особых отделов областных УГБ НКВД, которые осуществляли соответствующую работу с участием 5-х (разведывательных) отделов соответствующих штабов.

Особые отделы военных округов вновь сформировались при реорганизации структуры органов НКВД в соответствии с приказом союзного Наркомата (№ 00362) от 9 июня 1938 г. Самостоятельные контрразведывательные подразделения появились не только в военных округах, но и на флотах. Территориальные особые отделы были упразднены. Периферийные контрразведывательные органы напрямую стали подчиняться Управлению особых отделов союзного НКВД, а с сентября того же года – 4-му (Особому) отделу ГУГБ НКВД СССР. С образованием новых военных округов их «обслуживание» возлагалось на создаваемые ОО.

Февральская 1941 г. реорганизация НКВД затронула и органы военной контрразведки. Особые отделы НКВД были переданы в Наркомат обороны (НКО) и Наркомат военно-морского флота (НКВМФ). Соответственно, в их структуре появились контрразведывательные управления. О ликвидации ОО ГУГБ соответствующие инстанции были поставлены в известность совместным приказом НКВД и НКГБ (№ 00151/003) 12 февраля 1941 г. В НКВД от ГУГБ остался только 3-й отдел, задача которого состояла в оперативно-чекистском обслуживании пограничных и внутренних войск, пожарной охраны и милиции. Начальником 3-го управления НКО остался А. Н. Михеев. Такое положение дел сохранилось до середины июля 1941 г. В вопросах армейской военной разведки прерогатива осталась за 5-м управлением Генштаба РККА.

Анализируя состояние органов госбезопасности Советского Союза и их готовность к противостоянию в предстоящей войне спецслужбам Третьего рейха, необходимо признать, что находились они далеко не в лучшей «спортивной» форме. Главная причина заключалась прежде всего в ничем не оправданных потерях руководящих и рядовых разведывательных и контрразведывательных кадров в годы репрессий.

На заре 20-х годов XX в. сотрудники молодой советской разведки и контрразведки вряд ли могли предположить, что через какой-то десяток лет практически каждый из них окажется вовлечен в такой водоворот драматических событий, о которых они даже не помышляли. Более того, перед ними возникнет непростой нравственный выбор: остаться верным собственной совести и принятой присяге и, как следствие, стать изгоем системы с последующей неотвратимой перспективой оказаться под ее жестоким прессингом либо, теряя нравственность и честь, стать одной из многих шестеренок репрессивной машины, неким, по образному выражению журналиста Владимира Мерзлякова, «специальным ассенизатором» власти. Третьего пути не было дано. Их печальная участь состояла и в том, что в обоих случаях каждого из них в последующем, за небольшим исключением, ждала смерть с той одной разницей – кого раньше, а кого позже. Это время наступило в середине тридцатых: удар в спину от своих, недоверие, клевета, пустота и... полная бессмысленность человеческого существования.

Претворяя в жизнь партийную политику по поиску и наказанию «врагов народа», многие руководители и рядовые сотрудники «органа защиты завоеваний революции» сами оказались беззащитными перед накотившимся на них репрессивным катком. Выбора практически не оставалось: либо приспособливаться, либо самому стать жертвой. «Невыполнение лимита (в поиске «врагов народа» для оперативного сотрудника органов госбезопасности. – *Авт.*), – свидетельствовал очевидец тех лет генерал-полковник Карп Александрович Павлов (в 1934–1937 гг. – начальник УНКВД в Восточной Сибири, затем Красноярского и Азово-Черноморского краев, нарком внутренних дел Крымской АССР, покончил жизнь самоубийством

в 1957 г.), – в лучшем случае – снятие с работы; в большинстве – арест... Многие работники не выдерживают – кончают жизнь самоубийством. Даже руководители НКВД сразу с небольшим промежутком застрелились. Заместитель наркома – Курский (В. М. Курский (1897–1937) – замнаркома НКВД СССР. – *Авт.*). Пускают липовый слух – на личной почве, семейные неурядицы (по официальной версии – «умер от разрыва сердца». – *Авт.*). И опять мертвая тишина... Никто ничего не делает, а о сотрудниках периферии и говорить нечего...»

Неоднократным кадровым «чисткам» подверглось и высшее руководство НКВД. При Ежове все 18 комиссаров государственной безопасности первого и второго рангов, служившие при Ягоде, были расстреляны. «Повезло» начальнику 7-го отдела (ИНО) Абраму Ароновичу Слуцкому, который, как сообщала центральная пресса, «умер на боевом посту». В действительности, по одной из версий, он был отравлен в кабинете заместителя Ежова Михаила Фриновского после приглашения «отведать чай с пирожными».

Из 122 сотрудников, занимавших высшие должности в 1937–1938 гг., на своих постах уцелели только 21. Эпидемия вседозволенности, хаоса, грубости и насилия, имевшая место в НКВД во второй половине 1930-х годов, поглотила все службы, среди них следствие. Одним из тех, кто стал невольным свидетелем смены этой категории работников высшего карательного ведомства, была писательница Надежда Мандельштам, жена репрессированного поэта Осипа Мандельштама. «Первое поколение молодых чекистов, впоследствии смещенных и уничтоженных в 1937 году, – писала она, – отличалось утонченным вкусом и слабостью к литературе, к самой популярной, конечно». Их последователями стали те, кто никогда не был носителем высокой культуры, идеалистических взглядов, а тем более не испытывал уважения к подследственным. «Обломать рога» путем пыток и насилия – таким был подход к «делу» одного из них, начальника 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ комиссара ГБ третьего ранга Н. Г. Николаева-Журиды. Под стать ему был и капитан госбезопасности, заместитель начальника следственной части НКВД Б. В. Родос, о котором современники отзывались следующим образом: «Этот никчемный человек, с куриным кругозором, буквальный выродок».

В волнах большого террора жизни лишились и все первые чекисты-контрразведчики, составлявшие в двадцатые годы мозговой центр «большого дома» на Лубянке, среди них – один из прототипов героев Хемингуэя Григорий Сыроежкин, а также Владимир Стырне, Роман Пиляр, Андрей Федоров, Сергей Пузицкий, Игнатий Сосновский и многие другие.

От жестокой мясорубки репрессий пострадали даже пенсионеры, вынужденные отставники, особенно те, кто в свое время выступил против лжи и фальсификации уголовных дел. Среди них заметно выделялся Я. К. Ольский, который после ухода первого начальника КРО Артура Артузова на работу в ИНО возглавил военную контрразведку страны и не раз заявлял: «Многие военнослужащие по делу «Весна» арестованы необоснованно, и само дело является дутым». Тогда же он был уволен из «органов» и отправлен руководить московским общепитом⁸.

Историческая справка

«Военно-офицерская контрреволюционная организация» (дело «Весна») – репрессии 1930–1932 гг. против старой военной интеллигенции (генералов и офицеров) бывшей императорской армии.

⁸ В 1935 г. Л. М. Каганович и В. М. Молотов внесли предложение Сталину переместить Якова Ольского на работу в Наркомат путей сообщения. На что «хозяин» издевательски ответил: «Ольский ведет большую ответственную работу по народному питанию. Перевод... означал бы серьезный урон для Нарпита... Я решительно против снятия Ольского с Нарпита». Ольский-Куликовский Ян Каликстович необоснованно репрессирован в 1937. Реабилитирован в 1955.

В 1917–1918 гг. уцелевший в жерновах Первой мировой войны русский офицерский корпус насчитывал около 276 тыс. человек, из которых 200 тыс. (70–75 %) находилось в действующей армии, 13 тыс. – в плену, а 21–27 тыс. стали инвалидами или имели тяжелые ранения и увечья.

В ходе Гражданской войны значительная часть бывших царских офицеров стала костяком белогвардейских войск генералов Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, С. Л. Маркова, А. В. Колчака, А. М. Каледина и др.

В конце 1917 г. и позже некоторая их часть перешла на сторону советской власти и продолжила службу в Красной Армии. К сентябрю 1919 г. таких насчитывалось свыше 42 тыс. человек, из них 10 тыс. погибло, а несколько тысяч попали в плен или перешли на сторону белых. Много офицеров осело на постоянное проживание в городах бывшей империи – Москве, Петрограде, Киеве, Ростове-на-Дону, Харькове, Минске, Пскове, Симферополе и др.

В период 1917–1921 гг. в РККА служило около 50 тыс. бывших офицеров, а также 20–25 тыс. чиновников, врачей, других специалистов. В белых армиях – 170 тыс., из которых 50–55 тыс. погибли, 70 тыс. оказались в эмиграции, а 57–58 тыс. остались в советской России. С учетом служивших в Красной Армии, общее число офицеров и им равных на территории России, Украины и некоторых других республик составило, по разным данным, 110–113 тыс. человек.

Следует признать и такой факт: после окончания гражданской войны бывшие офицеры не раз становились на путь контрреволюционной борьбы, принимали активное участие в различных заговорах, подпольных движениях, вооруженных выступлениях и даже возглавляли уголовно-бандитские отряды и группы. Некоторые «военспецы», находясь на службе в Красной Армии, не только вынашивали планы реставрации монархии, но и организовывались в подпольные ячейки, а отдельные становились агентами иностранных разведок, в частности Абвера.

В 1920–1922 гг. в ходе мятежей, восстаний, а также из-за голода, болезней и других естественных причин офицерский корпус вчерашней императорской армии сократился (по различным источникам) на 23–40 тыс. человек.

Начиная с 1925 г. отношение властей к бывшим офицерам постепенно стало меняться. Они стали одним из основных объектов внимания советских спецслужб. За многими началось оперативное наблюдение, их имена появились в различных оперативных и следственных документах. Начавшись в Украине, дело «Весна» стало своего рода предварительным симбиозом последующего акта поиска и ликвидации «врагов народа» во второй половине 1930-х гг. Органами ОГПУ операция «Весна» была расширена на многие районы Советского Союза. В циркуляре «Об ликвидации ГПУ УССР и пионерской диверсионно-повстанческой группы» (5 декабря 1930 г.) Генрих Ягода подал ее как «всеукраинскую подпольную контрреволюционную организацию 2-го отдела польского Генштаба», которая якобы действовала в Москве, Ленинграде, других городах. Некоторые руководящие работники ОГПУ (С. Мессинг, Л. Бельский, Е. Евдокимов) дело о «военных специалистах» считали искусственным, критически относились к полученным в ходе жесточайших допросов сведений. Последствия и для них оказались трагическими.

Число бывших офицеров, подвергшихся репрессиям, составило около 30 тыс. человек.

А. Х. Артузов (Фраучи), деликатный, интеллигентный человек, признанный мастер психологического поединка с вражескими агентами, был арестован и убит в тридцать седьмом. Находясь в тюремном боксе Лефортово, он, корпусной комиссар, еще вчера занимавший пост заместителя начальника стратегической разведки Генштаба РККА, из последних сил собственной кровью пытался написать записку следователю, стараясь доказать абсурдность обвинений

в свой адрес – не может он быть одновременно агентом четырех иностранных разведок. Закончить ее он не успел...⁹

Тогда же погибли Я. К. Берзин, С. П. Урицкий, С. Г. Гендин, О. А. Стигга, другие опытейшие специалисты тайной войны, которых так не хватало, особенно в первые, наиболее тяжелые годы вооруженной агрессии гитлеровской Германии.

Не лучшим было положение и в военной разведке. 13 декабря 1938 г. исполняющий обязанности начальника 1-го отдела Разведуправления РККА полковник А. И. Старухин и его заместитель по агентуре Ф. А. Феденко доложили наркому обороны К. Е. Ворошилову: армия фактически осталась без разведки, поскольку лежащая в ее основе агентурная сеть почти вся ликвидирована. Это был сигнал – разрушать уже нечего, настала пора строить все заново. Авторы книги «ГРУ: дела и люди» В. Лурье и В. Кочик отмечали, что в Разведупре были и такие, кто придерживался другого мнения: «Я лично считаю, – писал (март 1939 г.) начальник его политотдела в адрес своего шефа Льва Мехлиса (возглавлял Политуправление РККА), – что очистка Управления не закончена. Никто из руководства Управления этим вопросом по существу не занимается. Орлов (А. Г. Орлов – начальник разведуправления. – *Авт.*) по-прежнему на это вопрос смотрит сквозь пальцы. Видимо, неправильно докладывает Народному Комиссару».

Должности, в том числе руководящие, в Разведывательном управлении заняли люди, у которых во многих случаях недоставало оперативного опыта и «шпионской фантазии», чтобы правильно оценить поступающие донесения, а подчас не было и желания заниматься «рутинной работой». В оценке достоверности и значения разведывательных материалов требовались знание международной обстановки, комбинаторские способности, умение предугадать, какие шаги намеревается предпринять противник, и предложить оригинальные контрмеры с учетом складывающейся военной, экономической и политической обстановки. На смену репрессированным профессионалам пришли молодые партийцы, которые не обладали не только элементарными познаниями в области разведки и контрразведки, но и глубокими знаниями в военном деле. Сказывалась и предубежденность к возможной оценке военно-политической обстановки со стороны любого, кроме мудрого «хозяина». О «профессионализме» и «бдительности» советской военной разведки и контрразведки в канун войны свидетельствует докладная начальника Ломжинского оперативного пункта разведывательного отдела штаба Западного ОВО капитана А. М. Кравцова в адрес Особого отдела НКВД Западного фронта (январь 1942 г.).

Архив

«С марта 1941 г., – писал он, – агентура пункта стала доносить о концентрации вдоль советского фронта германских войск на территории Восточной Пруссии и бывшей Польши. По данным секретного сотрудника «Феликса», ... там было сосредоточено больше 100 пехотных и 8—10 танковых дивизий (послевоенные исследования полностью подтвердили это число. –

⁹ В работе «Разведка и контрразведка» (раздел «А. Х. Артузов») А. В. Шаваев и С. В. Лекарев и некоторые другие авторы ставят под сомнение морально-личностные качества объекта их исследования, в частности, заявляя: «Насколько можно было в той мясорубке оставаться абсолютно честным и чистым? Каким образом мораль общечеловеческая могла соответствовать придуманной и насильно привнесенной в общество морали пролетарской, классовой? И насколько моральным (аморальным?) можно было оставаться, работая в ЧК – ГПУ – орудии беспощадного коммунистического террора?». Насколько известно сегодня, террор политических режимов и их спецслужб был всегда, например, американский, но его почему-то стараются не замечать. Что же касается Артузова, то, как и каждый человек, небезгрешен был и он. Однако поражает, как много сегодня появилось «правдолюбцев» и различных мастей либералов, которые рьяно спешат развенчать советское прошлое, в том числе и через отдельные личности. Можно только представить, как бы себя повели другие в случае практически ежедневной «молотбы» до крови? Думается, что, как писал один из «героев» XX ст., говоря о методах допроса службы безопасности ООН, – признали бы себя даже «эфиопским императором».

Авт.). Данные агентом получены от германского офицера, служившего в комендатуре г. Варшавы. За них он попросил 1000 американских долларов и обещал дать полную дислокацию германских войск.

Материал «Феликса» был доложен РО (разведотдел. – Авт.) штаба Западного ОВО, после чего к начальнику РО полковнику Блохину вызвали «Феликса». Во время беседы присутствовали заместители начальника РО подполковники Ивченко и Ильницкий, начальник отделения информации майор Самойлович. Данные «Феликса» были названы дезинформацией, а пункту указано, что немцы на этом направлении имеют 25–40 дивизий. «Феликса» назвали аферистом, заплатили ему лишь 100 злотых и отправили в Варшаву. На пункт «Феликс» больше не возвращался...

В апреле 1941 г. по данным резидентов «Арнольда», «Вислы» и «Почтового», вдоль советской границы немцы сосредоточили около 1,5 млн войск, о чем немедленно было доложено РО. На нашем донесении подполковник Ильницкий наложил резолюцию: «Такую глупость можно ожидать только от Ломжинского пункта». По данным РО, немцы в это время имели те же 25–40 дивизий. Эта стандартная цифра фигурировала в разведсводках отдела больше года...

28 мая 1941 г. без вызова прибыл резидент «Арнольд». На встрече я спросил, почему он прибыл раньше обусловленного срока. Тот ответил, что есть важное сообщение, и доложил следующее:

1. В середине июня начнется война против СССР...

2. На Восточном фронте немцы сосредоточили от 1,5 до 2 млн войск.

3. В Праге закончена подготовка белогвардейцев-диверсантов (разговор идет о дивизии «Бранденбург-800». – Авт.) в количестве 10 тыс. человек, которые перед началом и в момент войны будут выбрасываться небольшими десантными группами для взрывов мостов, дорог, совершения терактов, указания целей авиации и т. д.).

4. План немецкого нападения: решительный удар на Белоруссию, на восьмой день должен быть занят Минск (город оккупирован 28 июня 1941 г. – Авт.), на 21-й день – Москва...

На вопрос, не паника ли это, «Арнольд» ответил, что за данные он отвечает головой...

28 мая шифровкой я донес РО содержание доклада «Арнольда». Ответ получил 29 мая, в нем было приказано доставить «Арнольда» в Минск. С ним беседовали Блохин, Ильницкий и Самойлович, которые в заключение отметили: «Ломжа всегда преподносит сенсации, лучше бы давали номера (немецких. – Авт.) частей». «Арнольду» прямо сказали: материал неправдоподобен... Тот ответил: «Вы можете меня расстрелять, но за правдоподобность информации отвечаю головой. Свой долг перед Советским государством я выполнил, а верите Вы мне или нет – дело Ваше. Война начинается в середине июня...». 4 июня я проводил «Арнольда» через границу, больше он не появлялся...

После ухода «Арнольда» за рубеж 8 или 9 июня я был в Минске в РО. Подполковник Ильницкий спросил: «Ну как, успел уйти «Арнольд», не застала его война в Ломже?». Я ответил, что он послан за рубеж, а насчет войны – вам виднее, но обстановка на границе беспокойная. Ильницкий улыбнулся и сказал: «И ты попал на удочку английской разведки»...

В начале июня на участках 87-го и 88-го погранотрядов (охраняли государственную границу на территории Белоруссии. – Авт.) немцы начали перебрасывать диверсионные группы по 3–5 человек с взрывчатыми веществами. О каждой задержанной группе немедленно докладывалось в РО...

Стиль работы РО перед войной.

В 1941 г. на агентурную работу отпускалось очень мало иностранной валюты. Дело дошло до того, что мы вынуждены были у польского населения покупать мелочь, для того чтобы дать 20–30 злотых посылаемому (за границу. – Авт.) агенту. Способные агенты от нас уходили потому, что мы не могли их материально обеспечить.

В феврале 1941 года с радиостанцией был послан резидент «Шульц», на 2 месяца ему выдали только 250 марок, за это время он задолжал и вернулся назад в СССР. Резидент «Глушко» задолжал несколько сот марок и, не уплатив долга, вернулся...

В апреле 1941 года заместитель начальника РО подполковник Ивченко советовал мне не присылать большие сводки, а разбивать полученные от агента данные на несколько частей и ежедневно малыми дозами посылать их в РО. Я возразил, заявив, что это очковтирательство, и я на это не пойду. Он мне ответил, что начальник Брестского пункта майор Романов так делает и его пункт стоит на первом месте. По моему мнению, в РО процветали карьеризм, подхалимство, а не деловая работа».

В последующие полгода ситуация с организацией военной разведки практически не изменилась. В акте о приеме Наркомата обороны СССР маршалом С. К. Тимошенко (раздел «Состояние разведывательной работы») отмечалось: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется... Театры военных действий и их подготовка не изучены».

Еще более трагичной была ситуация в политической контрразведке. В частности, на смену опытным, временем и обстоятельствами проверенным нелегальным резидентам НКВД в «дружественных» странах, таким как венгр Теодор Молли, пришли «кадры», подобные Амаяку Кобулову¹⁰, который толком не знал даже иностранного языка. Дилетанту в вопросах разведки, в качестве агента немецкие спецслужбы ему подставили латвийского журналиста Ореса Берлинкса. Легендируя связи в высших кругах германского МИДа, тот передавал Кобулову подготовленные в недрах РСХА дезинформационные материалы, среди них – о направленности устремлений рейха исключительно на регионы Ближнего и Среднего Востока, Африки, Англии, но никак не против СССР. Пользуясь близостью с Берией, через руки последнего «разведанные» попадали на стол Сталина. Присылал Кобулов и объективную информацию, получаемую от действующей в Германии советской разведсети. Но достоверные факты, подчеркивают авторы работы «Разведка и контрразведка» А. Шаваев и С. Лекарев, «шли в одном потоке с фальшивками, стряпавшимися в «бюро Риббентропа» и РСХА... Сталину все это докладывалось в первоизданном виде, практически без каких-либо комментариев. Поэтому отличить правду от лжи, да еще столь созвучной заветным чаяниям, хозяину Кремля было очень нелегко».

Оказавшись в свое время в советском плену, сотрудник реферата IV-Д Главного управления имперской безопасности на допросе показал: бывший на связи с латышом работник гестапо Ликус лично не раз докладывал Гитлеру о ходе направляемой Советам дезинформации, и он с неподдельным интересом допытывался о мельчайших деталях оперативной игры, даже о том, с каким выражением лица Кобулов воспринимал то или иное сообщение «агента», крепким ли было при расставании рукопожатие и т. д.

Досье

Кобулов Амаяк Захарович (1906–1955).

Образование – кооперативные курсы. С 1921 г. служил в Красной Армии, затем работал в народном суде, на заводах Грузии. В ГПУ республики – с сентября 1927 г. С помощью старшего брата Богдана сделал успешную карьеру в «органах». Специальное звание майора ГБ получил, минуя звание капитана, удостоился и двух орденов Трудового Красного Зна-

¹⁰ Официальным прикрытием Кобулова была должность 1 го советника полпредства СССР в Германии. Одновременно он выступал резидентом советской разведки.

мени, Кутузова 2-й степени, Красной Звезды, знаков «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)», «Заслуженный работник МВД». Генерал-лейтенант.

Был одним из близких помощников Л. Берии. В октябре 1938 г. возглавил наркомат внутренних дел Абхазской АССР, вскоре стал первым заместителем наркома НКВД Украины. В августе – сентябре 1939 г. исполнял обязанности наркома республики. По воспоминаниям Н. Хрущева, Кобулов был «еще мальчишкой и очень неподготовленным».

В сентябре 1939 г. очутился в должности советского резидента в Берлине. В июле 1941 г. стал наркомом госбезопасности, а после объединения НКВД и НКГБ – наркомом внутренних дел Узбекистана. При участии брата был переведен в центральный аппарат НКВД СССР начальником оперативного отдела и первым заместителем начальника ГУ по делам военнопленных и интернированных. С «изгнанием» Л. Берии, а затем и брата с высших постов в НКВД (МВД) Амаяк Кобулов стал «терять высоту». Некоторое время исполнял обязанности начальника ГУПВИ, затем был первым заместителем начальника ГУЛАГа, позже – заместителем начальника контрольной инспекции при МВД СССР. В 1954 г. подвергся аресту и суду. Приговор – высшая мера наказания. Не реабилитирован.

В этот период возросло и число разведчиков-нелегалов, их заграничных шефов, сотрудников других номенклатурных категорий, военнослужащих, отказавшихся от сотрудничества с «органами», ставших на путь открытого предательства или в силу других обстоятельств решивших перевернуться на сторону противника. Среди них был и агент иностранного отдела ГУГБ НКВД Вальтер Кривицкий.

В октябре 1937 г. из заграничной командировки отказался вернуться директор Лондонского отдела Интуриста Арон Шейнман, бывший нарком внешней и внутренней торговли Советского Союза, председатель правления союзного Госбанка и замнаркома финансов СССР. Опасность от невозвращения исходила прежде всего из факта знания им работы советских агентов под прикрытием в системе Внешторга. Имел он и непосредственное отношение к шифропереписке с центром. В следующем году, воспользовавшись беспечностью сослуживцев, с территории Монголии к японцам бежал работник штаба 36-й пехотной дивизии майор Фронтямар Францевич. Имея, как и Шейнман, по служебным обязанностям доступ к шифрам и кодам, перебежчик все доступные секретные материалы прихватил с собой. Знал он и дислокацию частей и подразделений дивизии, ее боеспособность, укомплектованность личным составом и т. д.

Мучительную «головную боль» у высшего руководства страны вызвал пеший переход из Манчжурии к тем же японцам начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю комиссара ГБ 3-го ранга Генриха Люшкова. Факт предательства особенно потряс «железного наркома» Н. Ежова, который не только был его прямым начальником, но и не раз публично ставил в пример другим «умелого чекиста» Люшкова. Главной причиной удариться в бегства стала реальная угроза оказаться в застенках родного ведомства. Будучи хорошо осведомленным о сокровенных тайнах НКВД, бывший начальник Управления выдал все: наличие советской агентурной сети, сведения об организации шифровальной связи, структуре органов госбезопасности и т. д. Незавидной оказалась и дальнейшая судьба перебежчика. Под именем Ямогучи Тосикудзе, будучи уже гражданином Японии, в 1945 г. после вступления советских войск в Маньчжурию Люшков подвергся ликвидации предыдущими хозяевами. Причина была прозаической: боязнь, что вчерашний агент на сей раз выдаст уже их секреты.

Наиболее «урожайным» по количеству побегов за границу выдался 1938 г. Опасаясь ареста, в США очутился резидент ИНО НКВД в Испании Александр Орлов (Лейба Фельбинг). Под именем Берга в Америке он прожил более тридцати лет. Умер в 1974 г., сообщив будущим союзникам СССР в войне с Германией, а затем и противникам в «холодной», все, что знал о способах и методах работы советских спецслужб. В том же году его примеру последовал

в свое время работавший во Франции, Швейцарии и Испании нелегал НКВД Матвей Штейнберг. Причина сдачи им «позиций» была аналогичной Орлову.

Во второй половине 1930-х гг. побеги и предательство со стороны «тяжеловесов» советской разведки и контрразведки нашли подкрепление и со стороны младших и средних командиров и даже рядовых Красной Армии и войск НКВД. Как следствие, в 1936–1940 гг. появились десятки приказов союзного и республиканских наркоматов внутренних дел, приговоров военных трибуналов о «дезертирстве за границу» пограничников и бойцов из воинских частей прикрытия границы. Среди них значились М. Прохоренко, А. Оттисков, В. Елезаров, Г. Малов, В. Чмырев и многие другие. 26 июня 1937 г. на самолете У-2 советско-польскую границу пересек и командир эскадрильи 56-й авиационной бригады КОВО капитан Чивель. «Позорный для наших органов предательский перелет Чивеля, – отмечалось в приказе НКВД УССР, – мог произойти только в результате притупления чекисткой бдительности у т. Шетова и, особенно, у т. Быкова (сотрудники Особого отдела. – *Авт.*), непосредственно обслуживающего бригаду, и полного непонимания задач, стоящих перед особыми отделами в условиях текущей обстановки»¹¹.

Ситуация с побегами со временем изменилась мало. В июле 1940 г. замнаркома союзного НКВД генерал-лейтенант И. Масленников в указаниях на имя наркомов внутренних дел республик, начальников УНКВД краев и областей и пограничных войск писал: «За последнее время имели место несколько случаев измены Родине со стороны военнослужащих войск НКВД. В соответствии с законом от 8 июля 1934 г. дела об изменниках Родины передаются в военные трибуналы, которые в своих приговорах по таким делам выносят определения о привлечении к ответственности семей изменников». Тем самым официально вводился институт заложников.

Полученная противником от этих и других перебежчиков и предателей информация, особенно от таких, как Люшков и Кривицкий, была бесценной. О подобных сведениях любой контрразведке можно было только мечтать. Положение советской стороны усложнялось и тем, что большинство перебежчиков были осведомлены в шифровальной работе своих бывших резидентов и дипломатических представительств, немало они знали и о нелегальной разведывательной сети НКВД в тех или иных странах. Кроме назревшей необходимости в изменении и усовершенствовании технологии агентурно-оперативной работы, перед принявшим бразды правления в наркомате внутренних дел Лаврентием Берией зримо предстала задача предотвратить случаи измены и предательства. В определенной степени ее удалось решить, в том числе и с помощью усиления репрессий.

В целом же для большинства, в том числе и низовых сотрудников органов госбезопасности и внутренних дел, переживших период репрессий и некоторый откат от них в предвоенные годы или пришедших на службу вместо тех, кто попал под жернова «эпохи» насилия, выживание стало главной целью. Работа притупляла сознание, ожесточала, многие предпочитали не вдумываться в смысл происходящих вокруг событий, а было и немало таких, кто просто смирился с существующей реальностью. С исчезновением «лагерной пыли» в лице умудренных оперативников был потерян профессиональный опыт, вдумчивый и новаторский подход в работе. На смену пришли рутинная, шаблонная, кадровая чехарда с моментальным карьерным взлетом в большинстве случаев людей, которые по природным данным, уровню образования и «чекстажу» никак не отвечали требованиям времени.

В условиях надвигающейся войны сложившееся положение начали осознавать и в высших эшелонах власти. Уничтожив военную элиту Красной Армии, Сталин вдруг обнаружил,

¹¹ По данным историка Н. Черушева, перелет в июне 1937 г. экипажа Ивана Чивеля был случайным. Через 3 месяца поляки летчика и бортмеханика вернули в СССР. Их судили и расстреляли. Все же остаются сомнения – насколько случайным было нарушение границы с посадкой самолета на территории сопредельной страны.

что и «карающий меч революции» заметно заржавел. Об этом свидетельствовало то, что всесторонней, не говоря уж о детальной информации о спецслужбах реального противника, в НКВД практически не имелось. Были лишь отрывочные данные о колоссальном размахе строительства, а также активизации их деятельности. Эти и многие другие вопросы разведки, а главное, контрразведки, пришлось решать непосредственно в ходе войны. Исключение составила некоторая часть агентов-нелегалов, которых, невзирая на царившие в стране репрессии и хаос, оставалось еще достаточно много, прежде всего в Нидерландах, Франции, Швейцарии, Японии и даже в нацистской Германии. Подтверждение тому – около сотни достоверных разведывательных материалов о готовности Третьего рейха напасть на СССР. Их оценка, как известно, в большинстве своем оказалась нулевой.

Возможно, «самое важное» сообщение в Москве было получено 16 июня 1941 г. из Берлина: «Германия полностью закончила военные приготовления к вооруженному нападению на Советский Союз, и войны можно ожидать в любой момент... Венгрия примет активное участие в военных действиях на стороне Германии. Авиакрыло истребителей люфтваффе уже дислоцировано на аэродромах Венгрии».

На следующий день нарком госбезопасности В. Н. Меркулов и начальник 1-го (разведывательного) Управления НКГБ П. М. Фитин стояли в кабинете Сталина. Обращаясь к представителю Разведупра, тот сказал: «Ни к чему повторять специальное донесение, я с ним внимательно ознакомился. Скажите, из каких, источников исходит эта информация, где они работают, насколько надежны и как они могли добыть такие секретные данные?».

Пока Фитин докладывал, Сталин, расхаживая по кабинету, изредка задавал уточняющие вопросы. Выслушав объяснения и немного помолчав, подойдя вплотную к докладчику, произнес: «Вот что, руководитель разведки, немцам, за исключением Вильгельма Пика (один из руководителей Компартии Германии. – *Авт.*), доверять нельзя. Это ясно?». Тот только нашелся: «Ясно, товарищ Сталин».

Останавливаясь на состоянии советской стороны в предвоенный период в вопросах военной и политической разведки и контрразведки, важно отметить следующий факт: в сравнении с противостоящими в свое время кайзеровской Германии спецслужбами царской России, соответствующие структурные подразделения Генштаба РККА и НКВД продвинулись в этом случае далеко вперед. В отличие от предшественников из свергнутого режима, ими был сделан серьезный шаг на пути централизации разведывательно-контрразведывательной работы, укрепления агентурных позиций, подбора и воспитания оперативных кадров. Деятельность развернули и специальные аналитические центры по обработке разведывательных данных. Кардинально изменилась также ситуация по подготовке профессионалов агентурной работы, заметно улучшилась система охраны государственной границы, военной и государственной тайны. Положительных изменений удалось достичь и по другим направлениям, что свидетельствовало о серьезном подходе в изучении допущенных предшественниками промахов, взятии на вооружение лучшего отечественного и мирового опыта.

Однако, как засвидетельствовали события уже первых месяцев войны с блоком немецко-фашистских государств этого, с одной стороны, оказалось недостаточно, с другой – серьезно ощутились результаты предвоенных «чисток» и физического уничтожения многих преданных, а главное, знающих свое дело людей. Последствия сказались незамедлительно. Грубые ошибки, упущения и просчеты в ходе войны приходилось устранять ценой многих человеческих жизней, захваченной врагом огромной территории, приобретением горького опыта в противостоянии на невидимом фронте.

«Лисья нора» на Тирпицуфер

Крупнейшая в мировой истории война на Востоке по плану «Барбаросса» предусматривала быстрый и сокрушительный «блицкриг». «Главная цель заключалась в том, – делился воспоминаниями гитлеровский генерал Курт Типпельскирх, – чтобы уничтожить основные силы русской армии посредством смелых операций с глубоким продвижением танковых клиньев и воспрепятствовать отходу боеспособных частей вглубь обширной русской территории... Конечной целью операции являлся выход на рубеж Волги, Архангельск, с тем, чтобы последняя остающаяся в России индустриальная область на Урале могла быть в случае необходимости парализована немецкой авиацией».

Историческая справка

«Барбаросса» – условное наименование вооруженной агрессии Германии против СССР (назван по имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбаросса). Его разработка началась в июле 1940 г. после капитуляции Франции. Наряду с фельдмаршалом Альфредом Йодлем, генералом Вальтером Варлимонттом и другими, одним из основных разработчиков плана был Фридрих Паулюс, в то время заместитель начальника штаба ОКВ, со временем командующий 6-й армией Вермахта, уничтоженной под Сталинградом.

Окончательный вариант операции был изложен в директиве № 21 Верховного главнокомандования вооруженными силами 18 декабря 1940 г. Наступление предусматривалось силами трех групп армий – «Юг», «Центр», «Север» в направлении Киева, Москвы, Ленинграда. До осени 1941 г. планировался выход немецко-фашистских войск к Уралу. К июню 1941 г. у западных границ Советского Союза были сосредоточены 190 дивизий Германии и ее союзников, в которых насчитывалось 5,5 млн человек личного состава, 4300 танков, свыше 47 тыс. орудий и минометов, около 5 тыс. боевых самолетов.

Начало реализации плана «Барбаросса» предполагалось в мае 1941 г., однако в связи с проведением Германией военных операций против Югославии и Греции день вооруженного вторжения в СССР Гитлер назначил на 22 июня 1941 г.

По замыслу, Советский Союз должен был рассыпаться, как прогнивший дворец, сразу же, как только непобедимый Вермахт стукнет в его двери. Английский историк Лиддел Гарт отмечал, что уже в первый период Второй мировой войны фюрер Третьего рейха «применил стратегию непрямых действий в новых масштабах, используя материальный и психологический факторы как на поле боя, так и в государственной политике. Позднее он представил своим противникам широкие возможности для применения непрямых действий против него же самого».

Наряду с тактическими и стратегическими намерениями и подходами в достижении успеха в войне (уклонение от решительных действий и сражений и выжидание промахов врага, крайнее истощение и деморализация его вооруженных сил, отказ от фронтальных ударов, если не обеспечен элемент внезапности, решающее значение маневра и др.), чрезвычайно важные составные в арсенале непрямых действий Гитлера Л. Гарт видел в «ударах по... слабым участкам противника, его базам и коммуникациям, политическим и экономическим центрам», а также «по подрыву прочности тыла противника, его деморализации и дезинформации, применении военной хитрости и новых средств борьбы».

Он же утверждал, что «в войне (против СССР. – Авт.), которую фюрер Третьего рейха намеревался вести, фронтальные наступательные бои были либо блефом, либо являлись бы простой военной прогулкой. Основное внимание обращалось на нападение на противника с

тыла в той или иной форме... Он начинал войну с деморализации и дезорганизации противника».

Автор имел в виду два решающих фактора: разведывательно-диверсионная и агитационно-пропагандистская работы среди частей Красной Армии и населения в советском тылу. Обе эти задачи возлагались на созданные в нацистской Германии спецслужбы и специальные пропагандистские органы.

В отличие от СД, гестапо, других нацистских карательных служб, Абвер, как орган военной разведки и контрразведки, не был детищем Третьего рейха. Он появился еще в 1919 г. во времена Веймарской республики, когда ее представитель генерал Шлейхер собрал все секретные подразделения немецких земель под крышей министерства обороны, где и начал функционировать специальный контрразведывательный отдел, функции и задачи которого определялись его названием: «Абвер» – «опора, защита, оборона» Рейхсвера¹². Созданный на фундаменте бывших германских спецслужб, о своем существовании орган военной разведки и контрразведки громко не заявлял. Особо замечен он не был и с приходом к власти нацистов. Возглавлявшие его вчерашние кайзеровские высшие и старшие армейские и флотские офицеры в вопросах разведки практически себя не проявили. Были тому и объективные причины, прежде всего Версальский договор, ограничивающий военные возможности расчлененной Германии, а позже нестабильность политической и экономической ситуации в только что появившемся Третьем рейхе. Взор на все стороны жизни покоренной ими страны нацисты обратили лишь после укрепления власти. В стороне не остались в этом случае армия и флот.

За предшествующие годы и некоторое время после утверждения нацистов, Абвер возглавляли четыре человека: генерал-майор Ф. Гемпп (1919–1927), полковник Г. Швантес (1928–1929), полковник Ф. Бредов (1929–1932), вице-адмирал К. Патциг (1932–1934). Расцвет, а позднее и упадок его деятельности пришелся на 1935–1944 гг., когда шефом был Вильгельм Канарис. После заката «звезды» сухопутного адмирала, менее полугода во главе хиреющего и еще вчера могущественного диверсионно-разведывательного и контрразведывательного монстра рейха стоял полковник Г. Ханзен.

Историческая справка

Веймарская республика – буржуазно-демократическая республика, появившаяся в результате Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. Состояла из 15 земель (республик) и трех «вольных городов». Первым ее президентом был Фридрих Эберт, занимавший этот пост с 1919 по 1925 гг. Затем им стал фельдмаршал Пауль фон Гинденбург.

30 января 1933 г. рейхсканцлером Германии Гинденбург назначил Адольфа Гитлера. С этого времени Веймарская республика практически прекратила свое существование. На долгие 12 лет к власти пришли нацисты.

Сорокавосьмилетний капитан 1-го ранга Канарис был уже в предпенсионном возрасте, когда его пригласили в Берлин и предложили занять пост в пока еще малозаметном подразделении разведки и контрразведки имперского Военного министерства. В должность Канарис вступил 1 января 1935 г. Возглавив Абвер, он предпринял решительные шаги по усовершенствованию не только организационно-штатного построения разведывательно-контрразведывательных органов в Вермахте и ВМФ, их территориальных структур внутри рейха, но и далеко за его пределами. Теперь, кроме специфических военных вопросов, разведывательную работу,

¹² Вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг. созданы на основе Версальского договора 1919 г. Его численность ограничивалась 100 тыс. человек личного состава. 16 марта 1935 г. Гитлер аннулировал военные статьи договора и объявил всеобщую воинскую повинность.

в первую очередь за пределами Германии, используя преимущество в наличии твердых агентурных позиций, Абвер стремился вести по всем направлениям, изучая состояние экономики стран потенциальных противников, их политическое положение, морально-психологические настроения различных слоев общества и т. д. Тогда же между Абвером с одной стороны и СД и гестапо с другой все чаще стали возникать трения. Касались они не только вопросов разведки и контрразведки, но, главное, лидерства среди нацистских спецслужб. Периодически заключались перемирия в виде «Принципов сотрудничества между гестапо и филиалами Абвера в составе Вермахта», «Десяти заповедей» (регламентировали взаимоотношения Абвера и СД) и др., но длились они недолго, трансформировавшись вскоре в скрытое противостояние, а в конечном итоге в открытую схватку, закончившуюся для Канариса и его ведомства полным крахом...

За короткое время небольшой и малозаметный Абвер быстро разросся до огромных размеров. Уступая по численности гестапо и СД, он не был обижен: к концу 1942 г. в его центральном аппарате и многочисленных подразделениях, по разным данным, работало от 25 до 30 тыс. человек, из них 8 тыс. были кадровыми офицерами. Все они имели армейские звания с добавлением слова «Абвера». Главные же силы военной разведки и контрразведки крылись в разбросанной по всему миру широкой агентурно-осведомительской и диверсионной сети.

Отпали для Абвера и все финансовые ограничения. Предстоящая мировая война требовала невиданных до сего нестандартных действий, огромных средств и специально подготовленных кадров. Звездный час для Канариса и его детища наступил в 1938 г., после ухода в отставку военного министра и главнокомандующего бывшего Рейхсвера фельдмаршала Вернера фон Бломберга. Взамен военного министерства было создано Верховное главнокомандование Вермахта (ОКВ), а власть над вооруженными силами рейха сконцентрировалась в руках Гитлера. Штаб ОКВ возглавил генерал Вильгельм Кейтель. Абвер (читай – Канарис) стал подчиняться только двум лицам – фюреру и начальнику штаба ОКВ. Также было положено начало вседозволенности, непогрешимости и, казалось, непотопляемости Абвера. Однако дальнейшие события засвидетельствовали: во многом все оказалось только воображением и излишней самоуверенностью его отдельных руководящих лиц, прежде всего самого Канариса.

Историческая справка

Вермахт (от Wehr – оружие, оборона и Macht – сила, сопротивление) – вооруженные силы нацистского Третьего рейха в 1933–1945 гг. Базой для их создания и развертывания стал бывший Рейхсвер, а также «Закон о строительстве Вермахта» (1935), предусматривавший всеобщую воинскую обязанность. Возглавляло Вермахт Верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ), в подчинении которого находились сухопутные войска, ВВС, ВМС, а с 1940 г. и войска СС (Ваффен-СС). Верховным главнокомандующим был Гитлер. Накануне Второй мировой войны Вермахт насчитывал 3 млн человек. Максимальная его численность – 11 млн, наблюдалась в декабре 1943 г.

В 1936 г. Абвер был реорганизован в Управление разведки и контрразведки ОКВ – «Абвер-заграница». Главная задача старого-нового органа заключалась в обеспечении секретности военных приготовлений Третьего рейха к войне, внезапности вооруженного вторжения, а главное – успеха «блицкрига» путем дезорганизации и подрыва боеспособности вооруженных сил и тыла стран, избранных объектом гитлеровской агрессии.

В состав центрального аппарата Абвера (размещался в Берлине в нескольких огромных зданиях по улице Тирпицфер¹³) вошли пять основных отделов и несколько более мелких под-

¹³ В немецких кругах ведомство Канариса называли «лисыя нора», а шефа Абвера – «маленький адмирал», «маленький

разделений. Иностраный отдел «Аусланд» (начальник – адмирал Бюркнер) занимался изучением экономики, внешней и внутренней политики иностранных государств. В работе отдел контактировал с Министерством иностранных дел, военными атташе и их зарубежными представителями.

Комплектование соответствующими кадрами, обеспечение финансово-материальными средствами, разработка мобилизационных планов развертывания Абвера в военное время были возложены на его центральный отдел (руководители – генерал-майор Ганс Остер, а после его ареста – полковник Шредер).

Определяющими в структуре Управления выступали отделы Абвер I, II и III – соответственно «А-I», «А-II», «А-III». Подчинялись они непосредственно Вильгельму Канарису.

Отдел «А-I» – разведка (руководитель – полковник Пиккенброк, позже полковник Ханзен) состоял из 10 подотделов (в различных источниках подаются как рефераты, группы и др.), ведавших различными аспектами военной разведки в иностранных армиях. Они создавались и действовали по географическому и отраслевому принципу. Так, подотдел IX занимался сбором разведанных в сухопутных войсках, в том числе Красной Армии; IМ – в военно-морских силах; IЛ – в военно-воздушных силах; IВс – в экономике; IТЛВ – технике и т. д. На подгруппу IГ (Гехаймштрифтен – тайнопись) возлагались задачи изготовления печатей, штампов, различных документов для агентуры всех отделов и периферийных органов Абвера, конструирование специальной фотоаппаратуры, разработки симпатических чернил и др. Добытую разведывательную информацию (нередко со своими комментариями) отдел направлял в те или иные подразделения штаба ОКВ (по армии, ВМС, люфтваффе и т. д.).

Работавшие по географическому принципу подгруппы «Вест» и «Ост» ведали организацией разведывательной работы в странах Запада и Востока. В частности, «обслуживание» Красной Армии было возложено на вторую из них.

Отдел «А-II» – диверсионный центр Абвера, наиболее засекреченный (его шефами в разное время были генерал-майор фон Лахузен, полковники Гросскурт и Фрейтаг фон Лорингофен). На отдел возлагались функции организации и руководства диверсионной деятельностью за границей и в тылу войск противника. Состоял «А-II» из нескольких подотделов: «Вест» – диверсии в западных странах; «Зюд-Ост» – на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке; «Ост» – диверсионно-террористическая деятельность против СССР. В период войны он же руководил диверсионными абверкомандами на советско-германском фронте и в тыловых районах действующей Красной Армии. В последнем случае подотдел распределился на несколько рефератов, каждый со своими специфическими заданиями: организация повстанческих формирований; подготовка и заброска диверсантов; осуществление нацистской пропаганды и др. Имелись и специфические подразделения – лаборатории по разработке новых средств диверсии и террора, специальных видов оружия, приборов, а также по изготовлению иностранного военного обмундирования, снабжению диверсантов и террористов боевым снаряжением и др.

Главные задачи отдела «А-II» состояли в подрыве морального духа армии и населения стран-противников; создании «пятых колонн», уничтожении (захвате) особо важных военных и промышленных объектов; совершении террористических операций; дезинформации политического и военного руководства противоборствующей стороны.

Кроме массовой агентурной сети в 1939–1941 гг. при отделе было создано и «домашнее абверовское войско» в лице специальных диверсионно-разведывательных формирований. Вначале это был батальон, затем полк, а в 1942 г. дивизия «Бранденбург-800», общеизвестные националистические батальоны, а позже полк «Курфюрст». Все они особо себя проявили на советско-германском фронте.

Историческая справка

«Бранденбург-800» – диверсионно-разведывательное соединение. Начало его созданию было положено в 1939 г. формированием «А-II» в местечке Слияч роты специального назначения, которая вскоре была преобразована в батальон с дислокацией в г. Бранденбурге. Первым командиром роты (батальона) стал майор Гиллель.

Весной 1940 г. батальон был переформирован в полк «Бранденбург-800» (по имени места формирования). В ноябре 1942 г. на его базе создается дивизия специального назначения с одноименным названием. Командиром полка были майор Вальтер Кивиш (Кивич), полковник Ланценауэр. Дивизией командовали генерал-майоры Пфульштейн, затем Витч.

Структура полка: штабная рота, рота связи, учебный лагерь, учебный батальон, пять батальонов четырехротного состава.

Структура дивизии: подготовительный (учебный) полк, отдельный «Александровский батальон», 801, 802, 803, 804, 805-й полки трехбатальонного состава. Общая численность дивизии – более 20 тыс. человек личного состава.

Штаб дивизии дислоцировался в Берлине по ул. Гогенцоллернуамм, 7. Там же находились рота пропаганды и рота морской пехоты.

Задачи дивизии: разведывательная и диверсионно-террористическая работа в тылу советских войск и войск других стран, воевавших с Германией.

Приемы и методы деятельности: захват стратегически важных объектов (мостов, переправ и др.), организация повстанческих банд, войсковая разведка в прифронтовых районах и на линии фронта, диверсии, террор.

В период отступления Вермахта главной задачей дивизии стало уничтожение коммуникаций, военных промышленных и гражданских объектов, угон мирного населения.

Комплектование: этнические немцы, владеющие иностранными языками, фольксдойче, белоэмигранты, различные националисты, военнопленные-добровольцы, дезертиры и др. Требования к командирам: преданность нацизму, физическое развитие, смелость, умение быстро ориентироваться в незнакомой обстановке и в условиях опасности. Из личного состава полка (дивизии) Абвер также отбирал и готовил кадровую агентуру.

Подготовка бранденбургцев осуществлялась по специальной программе с учетом района будущей деятельности. Каждый из них имел две солдатские книжки: одна для фронтовой обстановки (на вымышленную фамилию), другая (подлинная) – для командования.

Для маскировки при действиях в советском тылу использовалась красноармейская и специальная форма, гражданская одежда, советское оружие, фиктивные документы военнослужащих Красной Армии и гражданских лиц. Диверсанты и агенты действовали в группах и поодиночке.

На Восточном фронте в свое время находились: полк «Бранденбург», 801-й, 802-й, 803-й, 804-й, 805-й полки, «Александровский батальон» и отдельные подразделения, как, например, «Специальная команда Ланге».

В конце 1944 г. дивизия «Бранденбург» вышла из-под юрисдикции Абвера и действовала как обычное воинское соединение. Из ее личного состава стали формировать специальные команды СС, другие диверсионные подразделения. В этот период ее командиром стал генерал-майор Витч.

Функции контрразведывательной работы в Вермахте и ВМФ, их военно-административных учреждениях, а также на оборонных объектах были возложены на третий отдел Абвера – «А-III». Возглавляли его полковник Бомлер, затем генерал-лейтенант Бентивеньи, а с 1943 г. – полковник Гайндрих.

Основными функциями отдела было: противодействие иностранным разведкам; изучение форм и методов их борьбы; дезинформация противника; обеспечение охраны военной и государственной тайны. Из всех трех отделов Абвера отдел «А-III», конкурируя, наиболее тесно сотрудничал с гестапо – тайной государственной полицией рейха.

Как и его «собратья», отдел «А-III» состоял из 10 отдельных отраслевых рефератов (армия, флот, люфтваффе и т. д.). Наибольший интерес представляют рефераты ЗКГФ (кригсгефангене – военнопленные) – контрразведывательная работа в лагерях военнопленных; 3Ф – контрразведывательная работа путем внедрения агентуры в разведывательные органы противника и 3У – дезинформация противника с помощью агентуры, радиоконтрразведывательная служба.

Диверсионно-разведывательные и контрразведывательные подразделения Абвер имел и во всех внутренних военных округах и стратегических центрах Германии – т. н. абверштелле (АСТ) и абвернебенштелле (АНСТ), а также в союзных и нейтральных странах. Наиболее крупными АСТ считались: «Кенигсберг», «Вена», «Краков», «Берлин», «Бухарест» и «София». Разведывательно-контрразведывательные усилия первых трех были направлены исключительно против СССР. В Турции, Болгарии, Финляндии, Швеции, Румынии, Прибалтике, многих других странах без устали трудились разведывательные организации Абвера с условным наименованием «Кригсорганизацион» (военная организация – сокращенно КО). Под прикрытием дипломатических представительств они осуществляли диверсионно-подрывную деятельность.

Составной и неотъемлемой частью военной разведки и контрразведки была широкая сеть разведывательно-диверсионных школ, прежде всего на территории оккупированной Польши. С началом войны против СССР их число и места дислокации постоянно увеличивались. Стоящие перед всеми подразделениями ведомства Канариса задачи во всех случаях решались с помощью штатных сотрудников, а главным образом – с участием огромной армии агентов и диверсантов.

Наладил Абвер в предвоенный период и тесный контакт, а также взаимодействие с армейскими разведывательными структурами. Штабы германских войсковых соединений (от дивизии и выше) состояли из трех основных отделов: оперативного – 1А, тыла – 1Б, разведывательного – 1Ц. Накануне и в условиях войны задача последнего заключалась в сборе и обработке разведанных о Красной Армии, борьбе со шпионажем в собственных частях, организации радиопропаганды, проведении на передовой и прифронтовых районах антисоветской агитации, осуществлении военной цензуры, первичных допросов военнопленных и др.

Подготовка, а особенно начало вооруженной агрессии против СССР вынудили Канариса существенно расширить диверсионно-разведывательный и контрразведывательный аппарат. Первым шагом стало создание в июне 1941 г. при Управлении «Абвер-заграница» специального органа – оперативного штаба «Валли» (полевая почта 57219), руководителем которого стал подполковник Хейнц Шмальшлегер. Главной его обязанностью была организация и развертывание разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против действующей Красной Армии на Восточном фронте.

Архив

В 1946 г. под грифом «Совершенно секретно» начальники управлений лагерей военнопленных МВД СССР получили распоряжение, гласившее:

«Личные приметы солдат и офицеров абвергруппы 324.

Лейтенант Эрнст Фриц, начальник группы, уроженец округа Райхенбах (Восточная Германия), 30-ти лет, рост 170 см, стройный, крепкого телосложения, широкие плечи, волосы темные, лицо овальное, полное, глаза голубые, широкие чувственные губы, говорит по-чешски.

Обер-лейтенант Гартен (правильно – зондерфюрер фон Гартен. – Авт.), кличка «фон Зентен», заместитель командира группы (по другим данным – переводчик. – Авт.), рост около 190 см, 45 лет, стройный, длинное овальное лицо, умеренно синие глаза, лоб высокий, волосы темно-русые, поседевшие, говорит по-русски, продолжительное время работал при штабе «Валли», до войны несколько лет жил в России.

Фельдфебель Бюссе Фриц, кандидат в офицеры запаса, вербовщик, гражданская профессия – народный хозяйственник (так в документе. – Авт.), женат, 33 года, 185 см рост, сухощавая фигура, длинное узкое лицо, узкие губы, большой узкий нос, водянисто-голубые глаза, высокий лоб, пепельно-белые редкие волосы, говорит по-польски и немного по-чешски.

Руководитель узла «Валли III» подполковник Шмальшлегер (правильно начальник штаба, он же начальник контрразведывательного отдела «Валли» III, Хейнц Шмальшлегер, клички «директор Геллер», «инженер Доцлер», «директор Шмидт» и др. – Авт.). Личные приметы: около 50 лет, рост 185 см, худая фигура всадника, длинное узкое лицо; характерные черты – узкий нос, высокий лоб, темные волосы, голубые глаза, носил монокль и почти всегда имел в руках бич.

Информация Гесперс Вилли» (один из арестованных сотрудников абвергруппы 324. – Авт.).

Оперативному составу лагерей военнопленных предписывалось организовать работу по поиску и изобличению данных лиц. В случае обнаружения немедленно сообщить в Главное управление по делам военнопленных и интернированных союзного МВД.

В июне 1941 – мае 1942 гг. штаб «Валли» дислоцировался в местечке Сулеювек вблизи Варшавы. Затем (1942) его путь пролегал в Украину под Винницу, а с конца 1942 по январь 1944 гг. он находился в г. Николайкен (Восточная Пруссия). Непредвиденный конец войны вынудил «Валли» еще дважды поменять место «прописки». Сначала это была деревня Гарнекопф (40 км от Берлина), затем вблизи г. Бад Эльстр (на границе Саксонии и Чехии).

Очевидец тех событий для истории оставил следующее описание места пребывания штаба в Сулеюевеке: «Под маловыразительным названием «Лес», под обычным номером полевой почты прятался целый город с высокими в несколько рядов колючей проволоки заборами. Не меньше было и часовых. Все пути к нему перекрывались шлагбаумами и контрольно-пропускными пунктами. Опытному человеку, которому посчастливилось попасть на территорию «Валли», прежде всего бросались в глаза мощные радиостанции. Их антенны круглосуточно, не переставая, следили за эфиром. Они не только принимали сообщения от множества абвергрупп вдоль Восточного фронта и агентуры, но и осуществляли радионаблюдение, перехватывали сообщения советских военных и гражданских радиостанций. Материалы затем поступали к специалистам, которые анализировали даже передачи открытым текстом. Десятки дешифровщиков высочайшей квалификации день и ночь сидели над перехваченными советскими шифрованными и кодированными текстами, пытаясь найти к ним ключ. Здесь же работали и десятки мастерских, лабораторий, типографий. Для своих агентов и диверсантов ведомство Канариса изготавливало советскую военную форму, конструировало для них специальное оружие, которое при небольших размерах имело большую разрушительную силу, подделывало разные документы, знаки отличия и различия. Одним словом, это была настоящая адская кухня, на которой работали сотни «поваров», наделенных особым доверием Третьего рейха».

Построение штаба «Валли» было идентичным структуре центрального аппарата Абвера, с теми же функциями, задачами и рефератами. Главной особенностью было нахождение в его подчинении разведывательных, диверсионных и контрразведывательных абверкоманд (соответственно 9, 6 и 5) и входивших в их состав абвергрупп. В зависимости от характера выполняемых задач, каждая абверкоманда имела их от 3 до 8. Общее число действующих на советско-германском фронте абвергрупп равнялось 66. С учетом абверкоманд и абвергрупп

экономической разведки¹⁴, групп и команд РСХА, подразделений «Ваффен СС Ягдфербанд», других диверсионных, карательных и иных органов и служб, их общая численность составляла более 150 наименований.

Различные направления действий абверкоманды (разведка, диверсии, террор, контрразведка) придавались и штабам групп армий вторжения («Центр», «Север», «Юг»), а также входящим в их состав армиям. Задача этих формирований заключалась в ведении разведывательной и подрывной работы на участках фронта того или иного соединения Вермахта.

Численность штатных сотрудников Абвера в командах (группах) была не постоянной и зависела от характера выполняемых заданий, периода войны, военного положения на фронтах, других причин и варьировалась от 20 до 100 человек. Большими по числу преимущественно были абвергруппы – основные исполнители стоящих перед Абвером задач. На кадровый руководящий состав абверкоманд в основном возлагались организационные, управленческие и контролирующие функции. Возглавлялись они, как правило, старшими офицерами. Средние руководящие, а также вспомогательные должности в абверкомандах и абвергруппах занимали младшие офицеры, зондерфюреры¹⁵, фельдфебели, унтер-офицеры и рядовые. Так, в составе абверкоманды 103 (разведка) при штате 70 единиц в наличии имелось 16 офицеров, 5 зондерфюреров, по 7 фельдфебелей и унтер-офицеров, остальные – рядовой состав и помощники из числа коллаборантов и предателей. Один из них – Острожко, он же Арский, он же Павленко Николай Николаевич, кличка «Мартынов», в команде отвечал за изготовление фиктивных документов. Примерно такая же организационно-штатная структура была и в абвергруппах.

В обязанность многим абверкомандам вменялись также сбор и изучение различных советских документов, печатей и штампов, наград, знаков различия, изготовление на их основе тех или иных подделок и т. д. Практически в штатах каждой из них, а также в абвергруппах находились и специалисты – вербовщики агентуры. В их функции входило и ее обучение, а также и переброска в советский тыл.

Для обеспечения агентов и диверсантов наиболее сложными для подделки документами при «Валли 1» трудилась специальная команда 1Г. «Документы» готовили 5 немецких граверов и графиков. К работе привлекались и специалисты из числа военнопленных и антисоветски настроенных лиц, хорошо знавшие делопроизводство в Красной Армии и советских учреждениях. Наиболее трудноисполнимые бланки, особенно паспортов и партийных билетов, а также поддельные советские ордена и медали, штаб «Валли» централизованно получал из Управления «Абвер-заграница». В его распоряжении находились и трофейные склады с военным обмундированием и снаряжением, гражданской одеждой и вещами быта. Недостающее пополнялось работающими здесь же портновской и сапожной мастерскими. Во многих случаях команда 1Г выступала экспертом и консультантом для других абверкоманд (абвергрупп). Это, прежде всего, были вопросы порядка выдачи и оформления различных документов на территории СССР, о внесенных в них изменениях, прописки, регистрации и др.

Период организационного укрепления Абвера, в частности его второго отдела, с легкой руки партийных функционеров сопровождался в рейхе дискуссией о его диверсионно-разведывательных кадрах, прежде всего из числа ОУН. «В рамках начатых Абвером II приготовлений к операции “Вайсс” (вторжение в Польшу. – *Авт.*), – сообщал в штаб ОКВ (июль 1939 г.) его начальник фон Лахузен, – предусмотрено также привлечение украинских бойцов-освободителей. С этой целью Абвер II разместил в лагере Дахштайн 160 украинцев, отобранных для этой операции¹⁶. Под прикрытием вспомогательной рабочей силы для крестьян в горах они

¹⁴ С использованием различных источников пять таких команд проводили сбор разведанных о состоянии различных отраслей народного хозяйства СССР.

¹⁵ Звание для лиц, занимавших не командные армейские должности, а также в других органах и учреждениях Вермахта, СС и т. д. Их униформа и знаки различия от офицеров Вермахта отличались погонями специального образца и цветом петлиц.

¹⁶ Это был т. н. «Националистический легион» под командованием бывшего поручика польской армии украинца по про-

собраны в Остмарке... В дальнейших планах быстро растущая военная организация, развивающаяся сообразно с внешнеполитической ситуацией, за 2 дня до момента «Ч»¹⁷ будет представлять из себя группу приблизительно в 500 человек, готовых к немецкому выступлению».

Досье

Лахузен Вивермон Эрвин Эдлер фон (1897–1955), генерал-майор.

Участник Первой мировой войны. Образование получил в Терезианской военной академии. В 1933 г. окончил австрийскую Академию генштаба. Специализировался в области разведки. В 1935–1938 гг. работал в службе информации (аналог военной разведки) генштаба Австрии. После ее аншлюса (1938) – в Абвере, где был заместителем начальника «А-I» (Г. Пиккенброка), затем (1939) возглавил отдел «А-II» – диверсии, террор и саботаж. Ему были подчинены полк (дивизия) «Бранденбург 800», а также полк «Курфюрст», батальоны «Нахтигаль», «Горец», другие диверсионные формирования, действовавшие на Восточном фронте. «Домашнее войско» «А-II» в основном состояло из бывших белогвардейцев, фольксдойче, украинских и других националистов.

Освещая связь ОУН с немецкими спецслужбами в Международном военном трибунале, свидетельствовал:

«Руденко (представитель СССР. – Авт.): Свидетель, я хочу поставить вам несколько вопросов. Правильно я вас понял, что повстанческие отряды из украинских националистов создавались по директиве германского верховного командования?»

Лахузен: Это были украинские эмигранты из Галиции.

Руденко: И из этих эмигрантов создавались повстанческие отряды?

Лахузен: Да...

Руденко: И какое положение имели эти отряды?

Лахузен: Это были организации... которые работали совместно с отделом разведки за границей.

Руденко: Что они должны были выполнять?

Лахузен: Задача их состояла в том, чтобы с началом военных действий выполнять распоряжения соответствующих офицеров германских вооруженных сил, то есть те директивы, которые получал мой отдел, и которые исходили от ОКВ.

Руденко: Какие же задачи ставились перед этими отрядами?

Лахузен: Эти отряды должны были производить диверсионные акты в тылу врага и осуществлять всевозможный саботаж.

Руденко: А помимо диверсий, какие еще задачи ставились?

Лахузен: Саботаж, то есть взрывы мостов и других объектов, которые в какой-либо степени представляли важность с военной точки зрения».

В конце 1943 г., в период агонии Абвера, Лахузен получил назначение на Восточный фронт, где стал командиром гренадерского полка. С декабря 1944 г. он – начальник разведывательного бюро XVII военного округа (Вена). В мае 1945 г. сдался в плен американцам и был доставлен в «особый центр» спецслужб США и Англии (находился в Бад-Ненндорфе вблизи Ганновера), где его не раз подвергали физическому насилию с целью быстрее «развязать язык» и узнать о секретах Третьего рейха.

Получив желаемые сведения, Лахузена отпустили. В Австрии имел генеральскую пенсию. Проживал в горах Тироля. Написал мемуары, вышедшие купюрами (1958) в США. В ве-

исхождению Иосифа Карачевского (кличка «поручик «Свобода»»). Базировался легион в Словакии под кодовым названием «Bergbauernhilfe».

¹⁷ День и час военного вторжения.

дениш к ним говорилось: «Эта книга рассказывает только об операциях против англосаксонских стран – Соединенных Штатов, Великобритании и в одном случае – Южно-Африканского Союза. Но военный дневник демонстрирует, что весь мир, начиная от Центральной Азии, затем России, Западной Европы и кончая Мексикой и Южной Америкой, представлял собой то поле битвы, на котором Канарис и фон Лахузен проводили свои операции».

Не «поленился» Лахузен раскрыть и имена, под которыми жили его бывшие агенты, за что американские и английские спецслужбы были ему весьма благодарны. О диверсионно-разведывательной деятельности «А-П» на территории СССР в мемуарах не сказано ни слова. Находясь в плену, показания о сфере интересов Абвера в Советском Союзе дал его заместитель полковник Эрвин Штольце.

Для специальной подготовки «бойцов-освободителей» Лахузен просил выделить офицера из числа специалистов-альпинистов, группу младших командиров, а также «6–8 человек, имеющих военно-инженерное образование». Уточнял: для маскировки курсанты будут обучаться в гражданской одежде, руководить предполагаемой операцией будет отдел «А-1». «В целях конспирации при передаче и контактах с другими отделами» задачи данной группы просил не упоминать.

Директивой штаба ОКВ от 4 августа 1939 г. под прикрытием «Бергбауэрнхильфе» (крестьянской вспомогательной силы) «бойцов-освободителей» требовалось обучать как «партизанские группы» в движении и как регулярное воинское подразделение, особое внимание уделив овладению и применению пригодного в полевых условиях оружия, а также самостоятельному проведению небольших, построенных на хитрости и внезапности партизанских операций. Персональную ответственность за качество подготовки оуновцев директива возлагала на обер-лейтенанта Абвера «Якоба».

В период вторжения в Польшу в глазах нацистов ООН проявила себя с наилучшей стороны. Вооруженные группы (около 8 тыс. человек) подвергали нападению десятки польских военных объектов, пленили около 4 тыс. полицейских, жовниров и чиновников, захватили тяжелое и стрелковое оружие, военное снаряжение, транспортные средства и т. д. Не менее активно по заданию Абвера националисты участвовали в разведывательно-диверсионной деятельности. «Разведка в Польше, – отмечал в сборнике статей “Итоги Второй мировой войны” (раздел “Служба разведки и контрразведки”) со знанием дела доктор Пауль Леверкюн, – перед началом войны велась так называемым “ближним” методом, то есть непосредственно через границу (с Германией. – Авт.). В этом случае передача сведений, как правило, не представляла особых трудностей». Не называя по имени «героев» того невидимого фронта, подчеркивал, что верховному командованию Вермахта были известны как организация польской армии, так и планы по ее стратегическому развертыванию, «другие наиболее существенные данные военного и военно-географического характера. Поэтому в ходе компании не возникало никаких непредвиденных случайностей».

Львиная доля успеха в том, чтобы, по словам автора, не были «обнаружены пробелы в действиях органов германской разведки», принадлежала оуновцам, еще с 1920-х годов сотрудничавших с Рейхсвером, а затем с Вермахтом. Проникнув во множество составных польского государственного и военного механизма, они вплоть до начала войны поставляли Абверу все необходимые разведывательные сведения. Однако возникшие в оуновской среде трения за власть докатились и до Берлина, вызвав там серьезную обеспокоенность. В сентябре 1940 г. один из подчиненных рейхскабинетсрата (имперской канцелярии. – Авт.) писал на имя шефа: «Глубокоуважаемый г-н фон Штутергейм! ... Организация украинских националистов, которая, как вам, вероятно, известно, здесь в рейхе нашла особую поддержку у Абвера, о чем в свое время велись переговоры между рейхслайтером Розенбергом и адмиралом Канарисом.

Мы неоднократно обращали внимание адмирала Канариса на то, что одностороннее предпочтение, высказываемое ОУН даже в военных целях, на практике влечет за собой наши политические обязательства в будущем. В то же время мы указывали адмиралу, что ОУН не может притязать на какую-либо политическую роль. Она не что иное, как мелкая террористическая группа с особой локально-галицийской окраской; точнее, ее можно было бы охарактеризовать как национально-галицийское ответвление великорусского эсеровского древа...

Сейчас в этой группе, несмотря на поддержку со стороны немецких военных служб, возник разлад, который выливается в заявления то с одной, то с другой стороны, причем с самыми тяжкими обвинениями... Прилагаю вам для личного ознакомления копию попавших ко мне взаимных обвинений этой группы с просьбой: когда будете докладывать начальнику рейхсканцелярии, обратите внимание г-на рейхсминистра д-ра Ламмерса (Ганс Ламмерс – шеф канцелярии. – *Авт.*) на них».

К дискуссии подключился и руководитель внешнеполитического отдела НСДАП Арно Шикеданц, направивший соответствующее письмо не только в имперскую канцелярию, но и Рейнхарду Гейдриху, а позже Вильгельму Канарису. Шефу РСХА он писал: «Взаимные обвинения касаются деятельности этой группы и, без сомнения, затрагивают государственную безопасность рейха, заботу о которой Вы препоручили соответствующим компетентным ведомствам (имеются в виду СД и гестапо. – *Авт.*). Наступивший в этой группе разлад, однако, заключает в себе и политическую нетерпимость, характерную для этой группы. Мы всегда расценивали ее исключительно как очень ограниченную, террористически действующую организацию, не имеющую политического веса и значения».

Представитель нацистской партии подчеркивал: «В свое время мы предложили Вашему ведомству расследовать это дело, которое в этом случае однозначно указывает на в высшей степени сомнительную деятельность ОУН, однако до сих пор не получили ответа. Мы были бы благодарны, если бы Вы высказали свою позицию на этот счет». Тогда же подобное письмо было направлено и в адрес гестапо.

В своих мемуарах не оставил без внимания оуновских «бойцов-освободителей» и Вальтер Шелленберг. «Возникли огромные трудности в том, чтобы скрыть мобилизацию войск (перед вторжением в СССР. – *Авт.*), – вспоминал он. – Трудности усугубились постоянными разногласиями между Мюллером (шеф гестапо. – *Авт.*) и Канарисом по вопросу использования украинских националистических лидеров Мельника и Бандеры на польско-русских фронтовых рубежах. Военная секретная служба хотела использовать эти украинские группы, Мюллер возражал. Он считал, что националистические лидеры преследовали свои собственные политические цели и, как правило, применяли совершенно недопустимые методы работы. Их действия вызывали постоянное беспокойство среди основной массы польского населения. Я лично пытался не принимать участия в дискуссиях по данному вопросу. Споры, преимущественно, носили затяжной и желчный характер».

Функционеру НСДАП Гейдрих ответил тем, что собственное «домашнее войско» в лице карательных отрядов, групп полиции безопасности и СД усилил полицейскими оуновскими формированиями. Не запоздал с ответом и Канарис. «Многоуважаемый господин Шикеданц! – писал с издевкой адмирал. – Меня очень заинтересовали любезно присланные Вами сообщения, которые Вы высказали группенфюреру Гейдриху. Поскольку это затрагивает интересы Вермахта, я наблюдаю за разногласиями внутри ОУН, которые вызваны новым положением дел, создавшимся в результате усмирения Польши.

Мне не представляется целесообразным выступать с запретами против этого самого большого движения, дающего определенную гарантию сплочения всего украинства в Германии, многократно приумножившегося со времени начала войны (против Польши. – *Авт.*). Считаю также необходимым избегать нежелательного противодействия в военной области. Хайль Гитлер! Канарис».

В утвержденном Гитлером плане «Барбаросса»¹⁸ на карту было поставлено слишком много, чтобы в предстоящей тайной войне против СССР шефы Абвера и РСХА могли позволить себе отказаться от помощи «бойцов-освободителей» из ОУН.

Предстояла и крупная оперативная игра в свете директив ОКВ по дезинформации советской стороны об истинных намерениях Третьего рейха в условиях стягивания к ее границам огромной массы немецких войск, а главное – начата масштабная шпионская и диверсионно-подрывная работа, в которой украинским националистам предстояло сыграть важную роль. 21 февраля 1941 г. педантичный начальник генштаба ОКХ Франц Гальдер пометил в дневнике: «Утреннее совещание. Никаких особых новостей. Адмирал Канарис...

в) Подготовленные мероприятия Абвера на Украине и Прибалтике.

г) Вопросы сохранения тайны. Совершенно секретные документы особой важности и т. д.» (Имелась в виду и директива от 15 февраля «О мероприятиях по дезинформированию советского военного командования». – *Авт.*).

До Великой Отечественной войны советского народа в битве против нацистской Германии и ее сателлитов оставались считанные недели.

¹⁸ В унисон плану «Барбаросса» 22 декабря 1940 г. штаб ОУН разработал свой «генеральный план» действий на случай войны. «Украина, – подчеркивалось в его первом абзаце, – накануне вооруженного восстания. Еще миг – миллионы людей возьмут оружие, чтобы уничтожить врага и создать свое украинское государство. В такой момент необходимо, чтобы на Украине действовала украинская организованная политическая националистическая сила... Эта сила у нас уже есть – это ОУН». Наряду с организационным и кадровым укреплением, подготовкой плана боевых действий, накоплением оружия, пропагандой идей ОУН в час «Ч», документ предполагал «поголовно расстреливать врагов, вести бактериологическую войну, развертывать в тылу советских войск партизанское движение, составлять «черные» списки и ликвидировать всех в них занесенных». «Генеральный план» предусматривал два этапа: подготовительный и вооруженное выступление с началом агрессии гитлеровской Германии.

Крылья «черного ордена» СС

Служба безопасности

Благотворную почву для появления в Германии разновидности нацистских карательных органов в лице службы безопасности (СД), гестапо, других подобных формирований вспахала и удобрила Национал-социалистическая рабочая партия – правящая политическая сила Третьего рейха. Созданная в 1902 г., наряду с насаждением фашистской идеологии, стремлением к возвращению «потерянных земель», объединением всех немцев и др., НСДАП одновременно строила и государственно-тоталитарный механизм, в котором эсэсовским спецслужбам отводилась решающая роль. Имея вначале общее название – «охранные отряды партии» (Schutzstaffel, сокращенно – СС по первым буквам слов), по образному выражению одного из их активных членов Дитера Вислицени, они чувствовали себя «сектой нового типа со своими собственными органами и обычаями». Вместе с собратьями из штурмовых отрядов (Sturmabteilung – СА) эсэсовцы в начале носили коричневую униформу, позже одели черную. На их фуражках был изображен череп с перекрещенными костями («мертвая голова»), их ведущими символами стали свастика и две сдвоенные руны «зиг» – победа. Историей Третьего рейха им было предопределено зверски убить и замучить миллионы своих жертв.

Историческая справка

СС – элитные охранные подразделения нацистской партии. Начало их появления положено в 1925 г. Входили в состав СА – штурмовых отрядов. В ноябре 1926 г. был введен пост рейхсфюрера СС. Его занял командир «Ударного отряда Адольфа Гитлера» Йозеф Веймаре, затем (1927) Эрхард Хайден. В январе 1929 г. во главе СС стал Генрих Гиммлер. Им были введены ритуалы посвящения в члены СС и их присяги, форменная (черная) одежда, знаки различия и отличия, закон «расовой чистоты» и т. д.

Численность общих («ваффен») СС стала неуклонно увеличиваться: в январе 1929 г. – 280 чел., декабре 1930 г. – 2 727, декабре 1931 г. – 14 964, июне 1932 г. – 30 тыс., мае 1933 г. – 52 тыс. чел. Рост СС сопровождался появлением в их структуре отдела под названием I-С службы безопасности (СД), организатором которого стал Рейнхард Гейдрих.

Попытки руководства СА подчинить себе СС закончились неудачей. Новое организационное построение СС предусматривало: низшую ячейку («шар») – 8 чел. под командованием шарфюрера; три отделения составляли отряд («труппе»); три отряда – «штурм» (70–120 чел.) во главе с оберштурмфюрером; три «штурме» – «штурмбанн» (250–600 чел.) возглавлял штурмбаннфюрер. Три (четыре) «штурбанне» образовывали «штандарте» (1000–3000 чел.) во главе с штандартенфюрером. Несколько «штандартен» составляли «абинит» по численности близкую к бригаде. Два – три «абините» образовывали «группе» (дивизию) во главе с группенфюрером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.